

Оглавление первого тома биографического очерка графа Тотлебена

От издателя 11

ГЛАВА ПЕРВАЯ

**Эдуард Иванович Тотлебен
до боевой службы. 1818–1848..... 15**

Происхождение рода Тотлебен. — Граф Готтлиб Тотлебен и совершенные им военные подвиги. — Детские годы Э.И. Тотлебена; первоначальное образование; склонность к военно-инженерной специальности; поступление в Главное инженерное училище. — Производство в офицеры. — Болезнь. — Поступление подпоручика Тотлебена на службу в Рижскую крепость. — Перевод в гренадерский саперный, а затем в учебный саперный батальоны. — Встреча с генералом Шильдером. — Участие в опытах над трубной контрминной системой генерал-адъютанта Шильдера. — Киевские опыты 1844 и 1845 годов. — Командировка штабс-капитана Тотлебена на Кавказ в 1848 году.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Э.И. Тотлебен на Кавказе. 1848–1850 27

Штабс-капитан Тотлебен в Темиран-Шуре. — Осада 1848 года укрепленного аула Гергебиль Дагестанским отрядом князя Аргутинского-Долгорукова. — Осенняя экспедиция для изгнания из Самурского округа скопищ Шамиля. — Освобождение от блокады укрепления Ахты. — Осада укрепления Чох летом 1849 года. — Э.И. Тотлебен в Париже. — Болезнь. — Возвращение в Петербург и назначение адъютантом генерала Шильдера.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

**Служба Э.И. Тотлебена в мирное время
до отправления на Дунай в 1854 году. 1850–1854..... 75**

Капитан Тотлебен в Варшаве. — Назначение его гвардейским инженером в 1853 году. — Женитьба Тотлебена. — Участие капитана Тотлебена в практических работах в Петергофском саперном лагере. — Теоретические занятия. — Проект атаки на капонирный и бастионный крепостные фронты. — Производство в подполковники с назначением в Придунайские княжества в распоряжение генерал-адъютанта Шильдера.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дунайская кампания 1854 года.

Калафат и Силистрия. 1854..... 111

Приезд подполковника Тотлебена с генералом Дубенским в Придунайские княжества. — Прибытие в Бухарест 14 февраля. — Э.И. Тотлебен в отряде генерала Хрулева под Ольтеницей. — Действия Ольтеницкого отряда с 26 февраля по 1 марта при атаке острова, занятого турками против Туртукая. — Командировка подполковника Тотлебена в Мало-Валахский отряд. — Поручение, данное ему генерал-адъютантом Шильдером относительно предполагаемой атаки калафатских укреплений. — Рекогносцировки калафатского укрепленного лагеря. — Подполковник Тотлебен вызван в Калараш. — Приготовления к осаде Силистрии. — Осада Силистрийских передовых фортов. — Смертельная рана генерала Шильдера. — Князь Горчаков поручает Тотлебену руководство работами левого фланга атаки. — Минные взрывы, произведенные Тотлебеном в Араб-Табии. — Снятие осады и отступление главных сил Дунайской армии на левый берег Дуная. — Тотлебен в Журже. — Обратное движение русских войск из Придунайских княжеств. — Командировка подполковника Тотлебена в Севастополь в распоряжение князя Меншикова 2 августа 1854 года.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Севастополь. 1854–1855 205

I

Решение союзников предпринять высадку в Крыму. — Мнение императора Николая, князя Меншикова и князя Варшавского о значении Севастополя и средств к защите Крыма. — Усиление войск в Крыму 16-й пехотной дивизией. — Неудовольствие, высказанное по этому поводу князем Варшавским. — Заботы князя Меншикова по укреплению Севастополя. — Князь Меншиков в начале августа склоняется к убеждению, что высадка в Крыму не состоится.

II

Приезд подполковника Тотлебена в Севастополь. Прием князя Меншикова. — Осмотр Тотлебеном приморских укреплений Севастополя и позиций с сухопутной стороны. — Мнение Тотлебена относительно оборонительной силы севастопольских укреплений. — Деятельность подполковника Тотлебена в Севастополе до высадки союзников. — Отсутствие в Севастополе шанцевого инструмента. — Уверенность князя Меншикова, что высадка в 1854 году не состоится. — Переписка по этому поводу с императором Николаем и военным министром. — Князь Горчаков не изменяет своему взгляду на неминуемость высадки союзников в Крыму. — Оптимистические взгляды князя Варшавского и князя Долгорукова.

III

Состояние сухопутных укреплений Севастополя ко 2 (14) сентября. — Высадка союзников в Евпатории. — Князь Меншиков сосредоточивает свои войска на Альминской позиции. — Победа союзников. — Отступление русских войск к Севастополю. — Союзная армия в виду укреплений Северной стороны Севастополя. — Деятельность подполковника Тотлебена на Северной стороне. — Переход союзных войск на Южную сторону Севастополя. — Фланговое движение князя Меншикова к Бахчисараю. — Корнилов, Нахимов и Тотлебен в Севастополе. — Тотлебен приступает к созданию оборонительной линии на Южной стороне. — Союзники не могут решиться на штурм почти открытого города и приступают к осадным работам. — События в Севастополе до первого бомбардирования 5 октября 1854 года.

IV

Первое бомбардирование Севастополя 5 (17) октября 1854 года. — Назначение князя Меншикова главнокомандующим Крымской армией. — Князь Меншиков, опасаясь за недостаток пороха и боевых припасов, помышляет об оставлении Севастополя. — Приближение подкрепления. — Балаклавское сражение 13 (25) октября. — Инкерманское сражение 24 октября (5 ноября). — Полковник Тотлебен спасает артиллерию при отступлении наших войск. — Предположение Тотлебена занять Рудольфову высоту. — Устройство ложементов. Минная война перед 4-м бастионом. — Заложение Селенгинского, Вольнского редутов и Камчатского люнета. — Увольнение князя Меншикова. — Кончина императора Николая. — Назначение князя М.Д. Горчакова главнокомандующим Крымской армией. — Второе бомбардирование Севастополя 28 марта (9 апреля). — Контр-апробная война на Городской стороне. — Третье бомбардирование Севастополя 25 мая (6 июня). — Штурм редутов перед Корабельной стороной и падение их 26 мая (7 июня). — Четвертое бомбардирование города 5 (17) июня. — Штурм 6 (18) июня на левом фланге оборонительной линии.

V

Генерал Тотлебен ранен 8 июня. — Предположения его относительно новых оборонительных работ на Корабельной стороне, которые остались невыполненными. — Прибытие в Крым генерал-адъютанта барона Вревского. — Приготовления к наступательным действиям. — Тотлебен не одобряет предположений князя Горчакова и предлагает другой план действий. — Сражение при речке Черной 4 августа. — Пятое и шестое бомбардирование Севастополя. — Штурм 27 августа (8 сентября). — Взятие французами Малахова кургана. — Очищение Южной стороны Севастополя. — Вопрос о виновности горжи Малахова кургана в падении Севастополя. — Генерал Тотлебен в Симферополе. — Император Александр II вызывает Тотлебена в Николаев. — Главные выводы, сделанные генералом Тотлебенем из обороны Севастополя. — Причина неудач в Крыму в 1854 и 1855 годах.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[После Севастополя]. 1855–1859 413

Приезд генерала Тотлебена в Николаев. — Император Александр II назначает его генерал-адъютантом и поручает укрепление Николаева. — Возвращение Тотлебена в Петербург. — Праздник инженеров в честь генерал-адъютанта Тотлебена 20 ноября 1855 года. — Участие Тотлебена в работах по усилению укреплений Кронштадта. — Командировка Тотлебена для осмотра Свеаборга, Ревеля, Балтийского порта и Риги. — Тотлебен в Москве на коронации императора Александра. — Отъезд в заграничный отпуск осенью 1856 года. — Пребывание Тотлебена в Париже в 1857 году. — Разговор с Наполеоном III о Крымской кампании. — Осмотр укреплений Парижа, Лиона, Тулона, Шербурга и Меца. — Путешествие в Бельгию и Голландию в 1858 году. — Посещение германских крепостей. — Возвращение Тотлебена в Петербург 1 октября 1858 года. — Назначение генерал-адъютанта Тотлебена директором Инженерного департамента 25 октября 1859 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

К ГЛАВЕ ПЕРВОЙ

Граф Готтлиб Тотлебен..... 452

Опыты над трубной системой генерал-адъютанта

Шильдера: записки об опытах Э.И. Тотлебена

- I. Краткая выписка из описания опытов, произведенных в 1844 году в Киеве, во 2-й саперной бригаде над трубной системой..... 457
- II. Записка о предварительных опытах 1845 года 458
- III. Минная война 1845 года 461
- IV. Заключение 463

К ГЛАВЕ ЧЕТВЕРТОЙ

Осада Силистрии

- I. Переписка князя Варшавского, относящаяся до открытия осады крепости Силистрии 469
- II. Сведения о союзных войсках, сообщенные императором Николаем князю Варшавскому с 13 (25) апреля по 1 (13) июня 1854 года..... 471
- III. Собственноручная записка генерал-адъютанта Шильдера князю Горчакову от 1 (13) июня 1854 года 475
- IV. Заложение первой параллели в ночь 5 на 6 мая 476
- V. Заметка по поводу сельванского штурма в «Описании обороны Севастополя»..... 478
- VI. Записка генерал-адъютанта Лидерса об осаде Силистрии, представленная князю Варшавскому 29 мая 1854 года 480

К ГЛАВЕ ПЯТОЙ

Севастополь. 1854–1855

I.	Всеподданнейшая записка князя Меншикова о высадке союзников в Крыму	482
II.	Мысли князя Варшавского по поводу всеподданнейшей записки князя Меншикова от 29 июня 1854 года	485
III.	Письмо князя Меншикова военному министру князю Долгорукову из Севастополя от 31 июля 1854 года	489
IV.	Выписки из писем князя Меншикова военному министру князю Долгорукову из Севастополя от 28 июля, 2 и 5 августа 1854 года	493
V.	Заметка о севастопольских укреплениях подполковника Тотлебена от 15 августа 1854 года (из записной книжки)	495
VI.	Всеподданнейшее донесение князя Меншикова от 26 августа 1854 года	496
VII.	Письмо военного министра князя Долгорукова князю Меншикову	497
VIII.	Письмо князя М.Д. Горчакова князю Меншикову из Бырлата от 19 августа 1854 года	499
IX.	Записки Эдуарда Ивановича Тотлебена за время обороны Севастополя. 1854–1855 (с 18 сентября 1854 года по 1 сентября 1855 года)	505
X.	Общие выводы генерала Тотлебена из севастопольской подземной войны и других осад: как должен действовать минер при атаке и обороне крепостей	541

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе третьей	547
К главе четвертой	551
К главе пятой	554
К главе шестой	570

Библиография	575
---------------------------	-----

Именной указатель	581
--------------------------------	-----

Чертежи	589
----------------------	-----

От издателя

Биография графа Эдуарда Ивановича Тотлебена (1818–1884), написанная сразу после смерти выдающегося русского военачальника и фортификатора (два тома появились один за другим в 1885 и 1886 годах в качестве отдельных оттисков «Инженерного журнала» за 1884, 1885 и 1886 годы) Николаем Карловичем Шильдером (1842–1902), является, к сожалению, основательно забытым биографическим трудом известного военного, писателя, ученого-историка и администратора, а сами книги стали букинистической редкостью.

В 1840 году отец автора, гениальный военный инженер генерал-адъютант Карл Андреевич Шильдер, чьи разработки значительно опередили свое время, будучи в Царском Селе, обратил внимание на поручика саперного батальона Тотлебена, принимавшего участие в практических работах, и дал тому поручение заняться разработкой своей идеи о трубной минной системе как средстве усиления оборонительной системы крепостей, что было с блеском выполнено. В 1850 году, когда Тотлебен, уже в чине капитана, с золотой саблей за храбрость и орденом Св. Владимира с бантом, возвратился после участия в боевых действиях с Кавказа, начальник инженеров действующей армии К.А. Шильдер назначил его своим адъютантом, а когда началась Восточная война, незамедлительно вызвал того к себе на Дунай. При осаде Силистрии К.А. Шильдера смертельно ранили, а успешно проявившего себя у Араб-Табии подполковника Тотлебена князь М.П. Горчаков направил к князю Меншикову в Севастополь, где и началась всемирная слава нашего героя.

Николай Карлович Шильдер, как и его отец, пошел по военной стезе. Он окончил Пажеский корпус в 1860 году, Николаевскую инженерную академию в 1862 году. И неудивительно, что в 1863 году уже Э.И. Тотлебен, в то время товарищ генерал-инспектора по инженерной части, берет молодого подпоручика к себе в адъютанты. Карьера молодого офицера стремительна — в 30 лет в 1872 году он становится полковником и состоит советником для особых поручений при Главном инженерном управлении военного министерства. С 1877 года вновь служит под руководством Э.И. Тотлебена, принимает участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, в частности

в осаде и взятии Плевны. После назначения Тотлебена главнокомандующим состоял при нем советником для особых поручений, став генерал-майором в 1878 году. После назначения Тотлебена Одесским генерал-губернатором Николай Карлович ушел с военной службы, посвятив себя административно-педагогической и научной деятельности.

Еще при жизни Эдуарда Ивановича в 1872 году он опубликовал краткую биографию своего героя «Генерал-адъютант Эдуард Иванович Тотлебен». В середине 70-х годов XIX века был опубликован ряд исторических статей о Восточной (Крымской) войне. Затем интересы историка сместились к вопросам, относящимся преимущественно к александровскому и николаевскому царствованиям: «Граф Аракчеев в 1812–1834 годах», «Россия и ее отношение к Европе в 1806–1815 годах», «Император Николай I и Польша» и другие. Опубликованные в «Русской старине», «Инженерном журнале», «Историческом вестнике», эти работы заставили говорить о Шильдере как об одном из крупнейших специалистов по новейшей русской истории. Но подлинную славу ему принесли фундаментальные монографии: «Император Александр I, его жизнь и царствование» (1897–1898), «Император Павел I» (1901) и «Император Николай I, его жизнь и царствование», увидевшая свет уже после смерти автора. Основанные на малоизвестных архивных документах, написанные ясным образным языком, прекрасно изданные и проиллюстрированные, они произвели сенсацию и сразу же стали бестселлерами как в научной среде, так и у широкой публики.

На их фоне фактически единственный монументальный труд о герое Севастополя и Плевны остался незаслуженно забыт. Его возвращение к читателю больше чем через 130 лет, несомненно, углубит историческое понимание роли Эдуарда Ивановича Тотлебена в истории России.

Николай Тимошенко

ГРАФЪ
ЭДУАРДЪ ИВАНОВИЧЪ
ТОТЛЕБЕНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

СОСТАВИЛЪ

Н. Шильдеръ.

Свѣты Е. И. В. Генераль-Маіоръ.

Томъ первый.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „Русская Скоропечатня“ (Э. К. Корено), Больш. Садов., № 27.

1885.

19 июня 1884 года скончался великий русский военный инженер, незабвенный защитник Севастополя и победитель Плевны, граф Тотлебен.

Редко выпадает на долю одного человека счастье заслужить признательность отечества двумя столь великими заслугами. Только человек, намеченный рукой Провидения, мог явиться решителем судеб русского оружия в столь критические минуты нашей истории, какими следует признать появление союзных войск перед Севастополем в 1854 году и остановку действующей армии под Плевной в 1877 году.

Имея счастье состоять безотлучно при покойном Э.И. Тотлебене в продолжение 16 лет (с 1863 по 1879 год), считаю своим нравственным долгом поделиться с сослуживцами всеми собранными данными, относящимися до служебной деятельности и дарования нашего русского Вобана, а также личными о нем воспоминаниями.

Если известный биограф князя Суворова выразился о знаменитом генералиссимусе, что *подражать ему нельзя, но учиться можно*, то относительно графа Тотлебена следует заметить, что можно не только учиться, но и подражать: каждый верный сын отечества встретит достойный образец для подражания в свойственных ему непоколебимом мужестве, неизменной правдивости и высокой честности в деле самоотверженного служения престолу и отечеству.

Н. Шильдер

Гатчино. 30 октября 1884 года

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Эдуард Иванович Тотлебен до боевой службы

◀ ❧ 1818—1848 ❧ ▶

Происхождение рода Тотлебенов. — Граф Готтлиб Тотлебен и совершенные им военные подвиги. — Детские годы Э.И. Тотлебена; первоначальное образование; склонность к военно-инженерной специальности; поступление в Главное инженерное училище. — Производство в офицеры. — Болезнь. — Поступление подпоручика Тотлебена на службу в Рижскую крепость. — Перевод в гренадерский саперный, а затем в учебный саперный батальоны. — Встреча с генералом Шильдером. — Участие в опытах над трубной контрминной системой генерал-адъютанта Шильдера. — Киевские опыты 1844 и 1845 годов. — Командировка штабс-капитана Тотлебена на Кавказ в 1848 году.

Эдуард Иванович Тотлебен родился 8 мая 1818 года в Митаве. По послужному списку покойного графа значится, что он был сын купца второй гильдии¹.

После кончины Эдуарда Ивановича в печати заговорили о происхождении рода Тотлебенов; некоторые русские газеты сочли возможным приписать ей латышское происхождение. Немецкая журналистика в этом отношении сделала уже давно шаг вперед; еще во время обложения Плевны в дрезденском органе *Presse* помещено сообщение, автор которого в окончании фамилии «leben» усматривает достаточное основание к заключению о ее еврейском происхождении; по этому поводу в газете тогда же загорелась жестокая полемика. Все подобные известия не выдерживают исторической критики.

По семейным бумагам покойного Эдуарда Ивановича оказывается, что русские Тотлебены происходят от древнего дворянского рода из Тюрингии. Неизвестно, по каким обстоятельствам члены

¹ Отец Эдуарда Ивановича Тотлебена Иоганн-Генрих родился в 1781 году и женился на Анне Цандер. Он имел всего семь человек детей: по старшинству они занимают следующий порядок: Август, Теодор, Шарлотта (в замужестве г-жа Крюгер), Юлиус, Эдуард (другое имя его было Франц), Карл и Адольф. Последний также вступил в военную службу, в Инженерный корпус, и скончался в 1869 году в чине военного инженер-капитана.

этой семьи еще в XVIII столетии выселились из Германии. Дед Эдуарда Ивановича избрал своим местопребыванием наши Прибалтийские губернии и посвятил себя коммерческим предприятиям, отказавшись от своих феодальных прерогатив². Другие представители этого имени поселились в Царстве Польском, где до настоящего времени существуют еще помещики Тотлебены (в окрестностях крепости Новогеоргиевска) католического вероисповедания.

Наконец, *Готтлиб-Курт-Генрих Тотлебен*, камергер саксонского двора, возведенный в 1745 году в графское достоинство, перешел сперва на службу в Нидерланды (в 1747 году), а затем во время Семилетней войны был принят императрицей Елизаветой в русскую военную службу с чином генерал-майора. Имя его прославилось впервые в войне с Пруссией, когда он смелым партизанским набегом занял в 1760 году Берлин. Впоследствии он совершил еще один подвиг, перейдя с русскими войсками в 1769 году Кавказский хребет³.

Когда генерал-адъютант Тотлебен после обороны Севастополя отправился за границу, слава, озарившая его имя, побудила любителей старины заняться архивными исследованиями о происхождении его семейства и степени родства со знаменитым покорителем Берлина, со смертью которого прекратилось графское поколение тотлебенского рода.

Замечательно, что Эдуарду Ивановичу суждено было приобрести впоследствии собственными заслугами то, что могло принадлежать ему по праву преемственности.

Вскоре после рождения Эдуарда Ивановича отец его вследствие расширения своих заграничных торговых предприятий переселился в Ригу. Здесь счастье благоприятствовало его начинаниям, и в продолжение многих лет с честью и неутомимой деятельностью он стоял во главе фирмы «*I.H. Todleben*».

В 1837 году он передал дела старшему сыну и поселился в арендуемом им имении Шмарден в Курляндии. Но на закате дней своих отец Эдуарда Ивановича снова переехал в Ригу и, окруженный нежными попечениями детей и внучат, скончался здесь в преклонных

² В Прибалтийских губерниях немецкое правописание фамилии изменилось с *Tottleben* на *Todleben* или *Todtleben*. Впрочем, императрица Екатерина в переписке своей о графе Тотлебене называет его *Todleben*. Замечательно, что на русском языке удержалось правильное написание *Тотлебен*.

³ См. в Приложениях краткий очерк жизни графа Готтлиба Тотлебена.

летах 5 февраля 1855 года, потеряв зрение и разбитый параличом. Таким образом, он имел радостное утешение дожить до севастопольских подвигов сына и убедиться на деле, в какой степени им верно подмечено было истинное призвание еще юноши, когда при выборе для него поприща деятельности военно-инженерная специальность представилась ему как наиболее соответствующая его дарованиям.

Действительно, в деле воспитания своих детей отец Эдуарда Ивановича отличался большим тактом и умом — рано угадывая в своих сыновьях их природные наклонности и высоко ценя образование, систематически направленное к известной цели, он всеми средствами старался поддерживать и направлять правильное развитие этих наклонностей, которые справедливо считал залогом будущего счастья своих детей. Наклонность третьего сына Эдуарда не только к военному поприщу вообще, но к инженерному делу в особенности обнаружилась очень рано и обратила на себя внимание его родителей.

Еще в юном возрасте, девяти или десяти лет от роду, маленький Эдуард страстно любил военные забавы. Увлечение подобными играми в большей или меньшей степени свойственно почти всем детям и не представляет, конечно, ничего выходящего из ряда вон, в особенности же в Риге, где окружающая местность, состоящая из открытых равнин, пересеченных лесистыми песчаными холмами, приглашает к тому в весеннее и летнее время воинственное юношество города.

Но в руках маленького Тотлебена, казалось, эти забавы переставали быть одной пустой игрой; они принимали совершенно иной характер, который не мог оставаться скрытым от постороннего наблюдателя. Особенность эта заключалась в том, что он обнаруживал в своих детских играх замечательную способность подмечать и перенимать многое такое, даже из военного искусства, что вообще малодоступно обыкновенным понятиям ребенка его возраста. Живя постоянно в Риге и имея перед глазами укрепления города, тогда еще окруженного старинной крепостной оградой, восприимчивый мальчик пристрастился к инженерным постройкам, он стал возводить из земли маленькие крепости со рвами, подъемными мостами и прочим, стараясь при этом по возможности подражать главным правилам построек этого рода.

Окончив домашнее воспитание, Эдуард Иванович поступил в пансион доктора Гюттеля (D-r Hüttel), считавшийся в Риге в конце

двадцатых годов лучшим частным учебным заведением⁴. Мальчик продолжал и здесь затевать военные игры, принимавшие постепенно все более серьезный характер; они устраивались по заранее придуманному им плану, который он сообщал своим товарищам, стараясь приучать их по мере сил к поддержанию строгого порядка и дисциплины. На даче в окрестностях Риги (Collins Höfchen), где отец Тотлебена проводил в то время лето, он построил несколько редутов с помощью своих товарищей, равно как при содействии людей, служивших в родительском доме, и посторонних лиц, которых он мог только уговорить принять участие в работе; укрепления эти были возведены по всем правилам инженерного искусства с бруствером, рвами, гласисом; один из них был им даже контрминирован. Затем он разделял своих товарищей на два отряда и производил осаду и оборону этих редутов. Предводительствуя атакующими, он часто отбивал укрепления у своих противников, несмотря на превосходство сил его защитников; руководствуя этими играми, Тотлебен постоянно обнаруживал замечательную для детского соображения распорядительность и военную хитрость⁵.

Когда отец Эдуарда Ивановича из его детских игр и пристрастия к математическим занятиям убедился окончательно в склонности, проявившейся у сына, к поступлению на военную службу, то предположил готовить его к ней серьезно, сообразно с этим он распределил уроки, обратив особенное внимание на математику и изучение русского языка. Тотлебену не минуло еще 14 лет, когда отец повез его в 1831 году в Петербург, имея в виду определить его в Инженерное училище. Воспользовавшись еще в продолжение года уроками инженер-капитана Кирпичева, Эдуард Иванович вступил осенью 1832 года кондуктором в третий класс Главного (ныне Николаевского) Инженерного училища.

По приезде Эдуарда Ивановича в Петербург произошла встреча, повлиявшая впоследствии решительным образом на семейную

⁴ Пансион доктора Гюттеля пользовался справедливой известностью и готовил учеников в высшие гимназические классы, равно как и молодых людей, вступающих на путь практической жизни.

⁵ Заметки о детских годах Э.И. Тотлебена записаны были мной еще при жизни графа, прочтены ему и исправлены по его указаниям. Эдуард Иванович при этом с особенным удовольствием вспоминал один случай, когда удачной демонстрацией он вынудил обороняющегося к большой вылазке, во время которой атакующему удалось занять редут благодаря оплошности его защитников, увлеченных наступательными действиями.

обстановку будущего севастопольского героя, которую нельзя обойти молчанием. Прощаясь с нежно любимым отцом на петербургской почтовой станции, юный Тотлебен был крайне огорчен и расстроен предстоящей разлукой. Неподдельное горе мальчика обратило на него внимание случившегося здесь банкира *Гауфа*; он просил отца Тотлебена разрешения брать его сына к себе в отпуск на праздничные дни и обещал всегда оказывать возможное отеческое внимание. Действительно, Эдуард Иванович встретил в этом почтенном семействе самый радушный прием и в 1852 году женился на одной из дочерей г. Гауфа.

В Инженерном училище молодой Тотлебен с необыкновенным рвением предался научным занятиям и в скором времени сумел заслужить благорасположение своих наставников и приобрести вместе с тем любовь и уважение товарищей⁶.

В последнее время пребывания Тотлебена в училище, перед самым выпуском, он начал, к сожалению, страдать болезнью сердца, вызванной неправильным кровообращением и быстрым ростом; врачи опасались даже за совершенное расстройство его здоровья в случае немедленного продолжения усидчивых кабинетных занятий, а потому, к величайшему горю Тотлебена, пришлось ему отказаться от немедленного продолжения курса наук в офицерских классах Инженерного училища. Приказом 1 января 1836 года Тотлебен был произведен в полевые инженер-прапорщики и отчислен два месяца спустя по болезни на службу в Рижскую Инженерную команду⁷. Благодаря тщательному уходу, встреченному в родительском доме, и удачному лечению, здоровье его в скором времени настолько поправилось, что можно было снова помышлять о продолжении прерванных научных занятий и возвратиться в офицерские классы Инженерного училища.

23 ноября 1836 года прапорщик Тотлебен отправился обратно в Петербург для продолжения курса наук. Пробыв год в младшем офицерском классе Инженерного училища и получив при переходе в старший класс чин подпоручика (9 января 1838 года), Эдуард

⁶ Во время нахождения Тотлебена в Инженерном училище директорами были: генерал-майор Христиани, а с 1836 года — генерал-майор Шарнгорст.

⁷ Здесь является некоторое разногласие с послужным списком графа Тотлебена, в котором читаем: «По болезни, препятствовавшей продолжить курс наук, отчислен к Динабургской инженерной команде 28 февраля 1836 года». Вместе с тем в списке не означено, что прапорщик Тотлебен был в 1836 году в отпуске.

Иванович почувствовал возобновление прежних болезненных припадков с новою силой, что и воспрепятствовало ему вторично окончить полный курс наук. Приказом от 5 февраля 1838 года Тотлебен отчислен из Инженерного училища и назначен на действительную службу в Рижскую инженерную команду. Здесь он занял в крепостном управлении должность дежурного офицера.

Пытливый и любознательный ум Тотлебена не мог удовлетвориться однообразной службой в Рижской крепости. Действительно, при полном отсутствии интересных строительных работ вся деятельность инженерного офицера ограничивалась здесь исполнением ремонтных работ по крепостным веркам и воинским зданиям. Между тем ознакомление с военною стороною инженерного дела составляло заветную цель, к которой стремилось служебное усердие молодого подпоручика.

Желая перейти на службу в саперные войска, Эдуард Иванович мечтал вместе с тем о переводе в л.-гв. саперный батальон; с этой целью он письменно обратился (19 февраля 1839 года) к Владимиру Гавриловичу Политковскому, бывшему уже тогда всемогущим решителем судеб всех инженерных чинов⁸. Просьба Тотлебена была уважена только отчасти: 1 апреля состоялся перевод его в гренадерский саперный батальон, но без прикомандирования к гвардии.

Гренадерский саперный батальон занимал тогда в летнее время лагерь близ крепости Динабурга; здесь Эдуарду Ивановичу впервые представился случай практически ознакомиться с саперными работами, равно как и с минным искусством. Пребывание Тотлебена в гренадерском саперном батальоне было, однако, непродолжительным. В 1840 году, 15 января, подпоручик Тотлебен был прикомандирован к учебному саперному батальону, а 16 июля того же года переведен в этот батальон поручиком.

⁸ Письмо Э.И. Тотлебена к В.Г. Политковскому было следующего содержания: «С соизволения моих родителей подал я на высочайшее имя прошение о переводе меня в гренадерский саперный батальон, желая вместе с тем быть прикомандированным и впоследствии переведенным лейб-гвардии к саперному батальону.

А потому приемлю смелость Вас, м.г., утверждать просьбою о Вашем благоклонном содействии к совершению моего желания, чтобы вместе с переводом в гренадерский был бы прикомандирован л.-гв. к саперному батальону.

Доброжелательным Вашим содействием к исполнению моей просьбы навсегда обяжете Вашего, м.г., покорнейшего слугу

*Э. Тотлебена,
Инженер-подпоручика».*

В первое же лето по прибытии в Царском Село, служившее местом стоянки учебного батальона, Тотлебен участвовал в практических работах, производившихся в Красном Селе. Здесь Эдуард Иванович впервые встретился с генерал-адъютантом Шильдером, имевшим с той поры решительное влияние как на развитие инженерных дарований будущего защитника Севастополя, так и на успех его служебного поприща.

Творческая изобретательность генерал-адъютанта Шильдера, соединенная с обширной военной опытностью, поддерживала все царствование императора Николая с неугасаемой энергией научно-военное направление саперного дела. Конечно, не все его изобретения сочувственно принимались его сослуживцами, как справедливо заметил некогда профессор Н.В. Болдырев, не все были с ним одинакового мнения об их пользе и необходимости; но, однако же, эта ученая борьба, служа к разъяснению самого дела, составляла превосходную школу для практического образования саперов⁹. Плоды этой деятельности выказались впоследствии в беспримерной обороне Севастополя, во время которой инженерная часть оказалась у нас даже в положении, превосходящем состояние этой специальности среди армий враждебных нам западноевропейских держав. Поручик Тотлебен своими знаниями, усердием и любовью к инженерной специальности сразу же обратил на себя внимание генерала Шильдера и заслужил навсегда безусловное его доверие и искреннюю дружбу, которая не прерывалась до кончины его покровителя под Силистрией в 1854 году.

Между прочими работами Тотлебен получил от генерала Шильдера поручение заняться *трубной контрминной системой*, предложенной им как средство для восстановления равновесия между атакой и обороной крепостей в виду превосходства действий осаждающего. Это обстоятельство служит лучшим доказательством того доверия, которое молодой 23-летний поручик успел заслужить со стороны опытного инженерного генерала; отныне Тотлебен сделался главным исполнителем идей генерал-адъютанта Шильдера.

С 1840 года было осуществлено предложение о перемещении саперного лагеря в окрестности Петербурга, именно за Московскую заставу, близ деревни Тентелево; а в следующем за тем году здесь

⁹ «Краткое обозрение военно-инженерного искусства в России за 50 лет» (с 1819 по 1869 год) генерал-майора Н.В. Болдырева // Инженерный журнал. 1870. № 1.

начались практические работы и продолжались опыты над трубной системой подземной войны, поддерживаемые генералом Шильдером со свойственным ему увлечением.

За особые труды, оказанные им при производстве саперных практических работ, поручик Тотлебен награжден был в 1842 году (23 ноября) орденом Св. Станислава 3-й степени. Генерал Шильдер путя заметил ему, что полученный крест — награда за сверление, о чем свидетельствует и надпись на ордене (S.S.).

Для дальнейшего исследования трубной системы в разнообразных грунтах император Николай приказал произвести в 1844 году в Киеве при 2-й саперной бригаде обширные опыты над усилением обороны крепостей по предложенному генерал-адъютантом Шильдером способу.

Для указания управления сверлом и руководства действиями обороняющегося контрминера, по ходатайству генерал-адъютанта Шильдера, великий князь Михаил Павлович избрал поручика Тотлебена, которого вместе с тремя нижними чинами л.-гв. саперного батальона приказано было командировать с таковой целью в Киев в распоряжение начальника 2-й саперной бригады генерал-майора Бухмейера. Вместе с тем туда же отправили и два минных сверла со всеми принадлежностями. Поручик Тотлебен, не отлучаясь от команды, отправился к месту назначения, пройдя пешком все расстояние от Петербурга до Киева.

Киевские опыты по разработанной заранее инженерным отделением Военно-ученого комитета программе были подразделены на две части, из которых одна, предварительная, имела целью приучить нижних чинов ко всем приемам для действия сверлом, изготовленным в Петербурге, на основании предшествовавших опытов; определить степень удобства и скорости сверления труб, равно как и величину зарядов, потребных в разных случаях. Другая же часть опытов должна была состоять из контрминной войны при условиях, совершенно сходных с действительной осадой крепости, причем были приняты все меры, чтобы атакующий и обороняющийся не знали о взаимных намерениях.

Поручик Тотлебен прибыл в Киев 19 июля 1844 года и немедленно приступил к обучению должного числа нижних чинов действию минным буравом; после предварительных исследований приступили к примерной минной войне против трубной системы генерала Шильдера.

Опыты показали, что обороняющийся с помощью контрминных труб так задерживал сапные работы, что в 2½ часа времени саперы успевали поставить только 12 туров, т.е. продвинуться не более как на 24 фута (вместо 129 футов, на которые возможно податься при обыкновенных действиях обороняющегося). Особенное затруднение представляло вкатывание мантелетов по местности, изрытой взрывами или покрытой опрокинутыми турами.

Возвратившись в Петербург, поручик Тотлебен представил генерал-адъютанту Шильдеру о произведенных работах подробный отчет с чертежами и за отличные труды при производстве киевских опытов 1844 года удостоился производства в штабс-капитаны 12 мая 1845 года.

Ввиду пользы, которую трубная система должна принести при обороне крепостей, великий князь Михаил Павлович ходатайствовал о разрешении продолжать подобные опыты при 2-й саперной бригаде и в 1845 году; император Николай I утвердил предположение генерал-инспектора. Вместе с тем штабс-капитану Тотлебену поручено было продолжение опытов, которыми он руководил столь успешно в 1844 году. 23 июня 1845 года Э.И. Тотлебен снова прибыл в Киев со сверлом, усовершенствованным по его проекту и исполненным под его наблюдением в Петербурге.

Вновь предпринятая минная война дала результаты еще более замечательные, чем в 1844 году¹⁰. Программа для практических работ отличалась от прошлогодней. Но Э.И. Тотлебен решился отступить от предложений Военно-ученого комитета, не предоставлявших действиям обороняющегося желаемого им простора. Он имел намерение встретить противника на более дальнем расстоянии от крепости и подвергнуть его действию контрминных труб более продолжительное время.

С этой целью Тотлебен в продолжение семи дней использовал для своих целей время, назначенное для ведения подступов до полупараллели и для устройства полупараллели и ходов сообщения до подошвы гласиса. Он вышел из передней ниши, или так называемого передового подземного ложементы, вперед тремя минными галереями, каждая длиной по 6 сажений, давая им расходящееся направление; затем в конце каждой из них сделал повороты длиной

¹⁰ У штабс-капитана Тотлебена помощником состоял 4-го саперного батальона поручик Стандершильд. Минные работы атакующего были поручены того же батальона полковнику Нитцу.

по 7 футов под прямыми углами — сначала в одну, потом в другую сторону. Устроив таким образом как бы вспомогательные ниши, Тотлебен вышел из них снова шестью галереями и каждую из них довел до длины 2½ сажени.

Таким образом, обороняющийся приобрел шесть новых подземных ложементов, при содействии которых ему представлялась возможность при помощи высверленных оттуда труб охватить ими для контрминной войны несравненно большее пространство¹¹, чем в том случае, если бы он ограничился высверливанием труб из одного передового подземного ложемента, предположенного согласно утвержденной программе опытов.

Высверлив из голов этих шести галерей горизонтальные и наклонные трубы длиной по 10 сажений, контрминеру открывалась возможность встретить минные галереи атакующего на расстоянии более 18 сажений от подошвы гласиса. Атакующий был поставлен наступательными действиями контрминера в крайне затруднительное положение: с того самого времени как его сапные и подземные подступы вступили в сферу действия трубных мин, они начали подвергаться непрерывным поражениям. Тотлебен произвел из контрминных труб 37 взрывов, которые 18 раз разрушили сапы атакующего и совершенно остановили его подземные работы, вследствие чего осаждающему удалось достигнуть подошвы гласиса только на 8-е сутки.

Здесь следует еще заметить, что при действительной осаде атакующий подвергался бы, независимо от взрывов контрминера, еще и меткому огню с крепостных верков по открытым сапам, и потому наступление его задержалось бы несравненно более продолжительное время¹².

Минная война продолжалась всего 16 дней. Опыты привели к следующим заключениям:

1) Обороняющийся до приближения подступов атакующего к гласису успел провести все предположенные работы, с помощью

¹¹ Они занимали по фронту до 20 сажений.

¹² Подробности относительно опытов по трубной системе генерала Шильдера можно найти в статьях М. Мазюкевича: 1) «Жизнь и служба генерал-адъютанта К.А. Шильдера» (*Инженерный журнал. 1875 и 1876*) и 2) «Опыты над трубной системой контрминной обороны, произведенные в 1844 и 1845 годах в Киеве» (*Инженерный журнал. 1876*). К последней статье приложены подробные чертежи киевских опытов, снятые с подлинников, вычерченных тогда Э.И. Тотлебенем.

которых ему удалось встретить противника в расстоянии 18 сажень от своего наиболее выдвинутого вперед подземного ложементта.

2) В продолжение всей обороны контрминером было произведено 40 взрывов, направленных против сапных работ мин и булевых колодцев атакующего. Действием этих взрывов в сапах осаждающего было опрокинуто более 200 туров; мантилеты неоднократно отбрасывались на более или менее значительное расстояние; ведение же этих сап, часто засыпаемых землей, представляло большие затруднения.

3) Из восьми булевых колодцев атакующего пять были уничтожены; минные спуски, колодцы и галереи атакующего, заложенные в сфере действия труб, подверглись в такой степени разрушительному действию контрминера, что осаждающий был вынужден совершенно прекратить подземную атаку и лишился всякого перевеса над обороняющимся.

4) Обороняющийся приобретает над атакующим решительное превосходство при условии устройства труб в два яруса: одни горизонтальные, для противодействия подземным работам осаждающего, а другие наклонные, для разрушения его подземных подступов.

Таким образом, киевские опыты благодаря искусству их руководителя доказали неопровержимым образом, что трубная система, примененная в глинисто-песчаном грунте, подобным киевскому, представляет неотъемлемые выгоды и превосходное средство для prolongирования обороны крепостей, построенных при подобных местных условиях.

Результаты этих опытов побудили императора Николая I повелеть генералу Дену (начальнику инженеров действующей армии) составить проект применения контрминной системы генерал-адъютанта Шильдера в одной из наших крепостей в Царстве Польском; для этой цели была избрана крепость Новогеоргиевск.

Лично для Э.И. Тотлебена двухлетние опыты в Киеве имели весьма важные последствия; они положили прочное основание тем сведениям, которые получили блестящее применение в севастопольской подземной войне и доставили нашему неподражаемому минеру неувядаемую славу.

Вникая ближе в подробный ход киевской минной войны, нельзя не заметить, что Тотлебен, руководя ею вполне самостоятельно, выказал уже тогда некоторые отличительные черты своего будущего военного гения: они заключаются в строго выдержанном активном характере всех предпринимаемых им оборонительных действий

и в необыкновенном умении подмечать и пользоваться всеми ошибками противника¹³.

После двукратной командировки в Киев Тотлебен продолжал принимать деятельное участие в практических саперных работах под Петербургом; этими занятиями по-прежнему постоянно руководил генерал-адъютант Шильдер, который все более привыкал ценить своего *дорогого минера, сапера и инженера*, как выразался Шильдер о любимом сотруднике в частной переписке с Э.И. Тотлебенем.

В 1847 году штабс-капитан Тотлебен за особенные труды при производстве практических работ был награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

Минному сверлу, по-видимому, суждено было играть выдающуюся роль в служебной деятельности Эдуарда Ивановича. Оно ему доставило даже случай начать свою боевую службу и дополнить тем теоретические знания, приобретенные им на мирной инженерной практике. В 1848 году состоялась командировка штабс-капитана Тотлебена на Кавказ для применения сверла при осадах укрепленных пунктов, возведенных Шамилем в Дагестане.

¹³ См. в Приложениях собственноручные записки Э.И. Тотлебена по поводу киевских опытов: 1) *Краткая выписка из описания опытов, произведенных в 1844 году над трубной системой*, 2) *Записка о предварительных опытах 1845 года*, 3) *Записка о минной войне 1845 года*, 4) *Заключение из всех опытов, произведенных над трубную систему генерал-адъютанта Шильдера в 1845 году во 2-й саперной бригаде* (Записки эти набраны здесь с автографов Э.И. Тотлебена).

Все записки, выработанные Тотлебенем об этих опытах, были представлены без малейшего изменения за подписью генерал-майора Бухмейера в виде рапортов Е.И.В. генерал-инспектору.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Э.И. Тотлебен на Кавказе¹

✧ 1848—1850 ✧

Штабс-капитан Тотлебен в Темиран-Шуре. — Осада 1848 года укрепленного аула Гергебиль Дагестанским отрядом князя Аргутинского-Долгорукова. — Осенняя экспедиция для изгнания из Самурского округа скопищ Шамиля. — Освобождение от блокады укрепления Ахты. — Осада укрепления Чох летом 1849 года. — Э.И. Тотлебен в Париже. — Болезнь. — Возвращение в Петербург и назначение адъютантом генерала Шильдера.

I

28 марта 1848 года последовало высочайшее повеление командировать штабс-капитана Тотлебена на Кавказ в распоряжение князя Аргутинского-Долгорукова для указания правил употребления при минной войне сверлильного бурава.

7 апреля Эдуард Иванович уже выехал из Петербурга и через Новгород, Москву, Воронеж, Кизляр прибыл в крепость Темиран-Шуру², расположенную в Северном Дагестане.

Все усилия наши на Кавказе с 1846 года были преимущественно направлены на утверждение нашей власти в прибрежном Дагестане. С этой целью наместник князь Воронцов усилил постройку укреплений на передовой линии и внутри края; вместе с тем экспедиции против горцев сопровождались также по возможности проложением новых дорог и учреждением постоянных штаб-квартир полков. Таким образом, Кавказская война приняла характер непрерывной блокады с очень осторожными наступательными

¹ Материалами при составлении этой главы служили:

1) Рукописный дневник Эдуарда Ивановича Тотлебена на Кавказе (Meine Tagebücher im Caucasus 1848. Belagerung von Gergebil. Befreiung von Achti).

2) Письма Э.И. Тотлебена к брату Адольфу Ивановичу.

3) Описание осады укрепленного селения Гергебиль в Дагестане в 1848 году адъютанта начальника инженеров действующей армии капитана Тотлебена.

4) Осада и бомбардирование укрепления Чох в Дагестане в 1849 году, id.

² Крепость эта была заложена в 1834 году с целью создать самостоятельный опорный пункт для ограждения владений Шамхала от непрерывных набегов горцев.

движениями. Осада укрепленного аула начала занимать все лето, и результатом трех наступлений на Восточном Кавказе — в 1847, 1848 и 1849 годах — стало разгромление трех пограничных аулов: *Салты*³, *Гергебиля* и *Чоха*, вслед за тем же брошенных.

Хотя подобный образ действий и не доставлял нам тотчас же положительных результатов в смысле покорения и умиротворения Восточного Кавказа, но зато, упрочив наше положение, он подготовил успехи последующего периода, в котором последовательное исполнение систематического плана положило наконец предел 65-летней войне.

В 1848 году предположено было приступить к осаде укрепленного аула *Гергебиля*, чтобы лишить Шамиля удобного пункта для вторжения в Мехтулинское ханство. Эдуард Иванович Тотлебен прибыл как нельзя более кстати к началу приготовлявшейся против горцев экспедиции, в которой инженерному элементу предстояло играть немаловажную роль. Наконец представился ему давно желанный случай применить на войне свои инженерные познания и приобретенный в мирной практике опыт.

Но прежде описания Гергебильской экспедиции необходимо сказать несколько слов о Дагестане, послужившем местом первых боевых шагов нашего славного инженера⁴.

«Само название Дагестана (от слова *даг* — гора) показывает, что эта часть Кавказского края — по преимуществу страна гористая. Однако же на всем своем протяжении Дагестан не одинаково горист и неприступен; на самом берегу моря тянется полоса плоская и низменная, большей или меньшей ширины; в иных же местах, как, например, у *Дербента*, отроги гор достигают до самого моря. Кроме того, и горы, ближайšie к морскому берегу, совершенно отличаются характером своим от внутренней части Дагестана, составляющей обширную котловину, из которой все четыре большие реки, известные у нас под общим названием *Койсу* (*Андийского*, *Аварского*, *Черного* или *Кара-Койсу* и *Казикумькского*), выливаются одним потоком под именем *Сулака*. Хребет, замыкающий эту

³ В действиях 1847 года против аула Салты принял участие главнокомандующий князь Воронцов. Шамиль же, со своей стороны, напрягал все усилия, чтобы затруднить осаду. 24 сентября мы овладели аулом Салты, который был разрушен до основания.

⁴ Очерк Дагестана заимствован нами из «Описания военных действий 1839 года в Северном Дагестане полковника Милютин (графа Дмитрия Алексеевича)» (*Военный журнал*. 1850. № 1).

котловину с востока, отделяет к стороне моря ветви, довольно отлогие и во многих местах лесистые; а потому в этой части края долины плодородны, в дорогах нет недостатка, а следовательно, и для войск доступны вообще не трудны. Напротив того, внутренняя часть Дагестана состоит вся из громадных возвышенных плоскостей (plateaux), между которыми реки текут в глубоких ущельях, похожих на трещины. Поднимаясь как бы террасами или обрывистыми уступами, горы внутреннего Дагестана чрезвычайно каменисты, обнажены, бесплодны; от того край вообще чрезвычайно дик и суров, дороги здесь доступны для пешеходов и разве для выюков; а потому это самая недоступная часть Кавказских гор. То же самое можно сказать о верховьях реки Самура.

Такой гористый край, естественно, не может иметь густого населения. На всем пространстве Дагестана до самого Апшеронского полуострова едва ли можно считать более полумиллиона жителей. Каменистые обнаженные горы внутренней части края вовсе не способны к хлебопашеству; скот, составляющий здесь главное богатство народа, также с трудом может довольствоваться круглый год подножным кормом: на возвышенных открытых плоскостях летом выгорает трава, а зимой лежат глубокие снега и бушуют метели.

Скудость природы в горах заставила жителей с невероятными трудами устраивать сады на крутизнах и скалах, искусственно сделанных в виде террас. Для селений избраны горцами места самые недоступные и утесистые; по тесноте места дома, выстроенные из камня в несколько ярусов, нагромождены плотно один к другому, возвышаются иногда амфитеатром, имеют башни, бойницы и способны к самой упорной обороне. Каждое почти дагестанское селение может служить крепостью.

Замеченное выше резкое различие в свойствах местности Дагестана имело, разумеется, самое сильное влияние на его население⁵: ясно, что прибрежная часть края, самая доступная, не могла устоять против всех завоевателей, попеременно владычествовавших в этом крае⁶, тогда как неприступные горы внутреннего Дагестана сохранили свою независимость».

Среди этого населения религиозное учение (*мюридизм*), явившееся первоначально в 1823 году в Южном Дагестане под скромным

⁵ Население принадлежит к лезгинскому племени.

⁶ Аравитяне, татары и персияне. Поэтому народонаселение составилось из смешения лезгинского племени с этими народами.

видом мусульманского благочестия, мало-помалу сбросило с себя личину и, взявшись за оружие, вовлекло весь Восточный Кавказ в нескончаемые волнения и кровопролитную войну. С 1833 года главой мюридизма явился Шамиль, принявший неограниченную власть над дагестанскими горскими обществами.

Селение Гергебиль, избранное предметом действий Дагестанского отряда в летней экспедиции 1848 года, расположено в глубоким ущелье Казикумыкского Койсу вблизи слияния этой реки с Кара-Койсу. Параллельно направлению течения реки тянутся два горных хребта от северо-запада к юго-востоку; около Гергебиля они имеют до 8000 футов превышения над уровнем моря. Левый берег реки примыкает к подошве горного хребта, а по правой стороне долина простирается до противоположного хребта шириной до одной версты. Местность здесь чрезвычайно пересеченная; ее можно назвать долиною только относительно значительного превышения двух горных хребтов, дорога же из Ходжал-Махи с юго-востока беспрестанно то поднимается на высоты, то спускается в глубокие овраги.

Гергебиль, одно из самых богатых селений в Дагестане, занимал весьма крепкую позицию. Аул лежал на конусообразной скале и с юго-востока амфитеатрально поднимался с подошвы к вершине, а с противоположной стороны был неприступен. Он был окружен каменной стеной, фланкированной башнями; стены и башни имели до 8 аршинов высоты и 1½ аршина толщины; в некоторых местах к ним прилежали горизонтальные блиндажи, а сверху вся стена была обложена колючкой (терновником) для обеспечения от нечаянного нападения.

Внутреннее пространство аула было весьма стеснено каменными строениями в один или два этажа, между которыми не было даже улиц; для сообщения же между отдаленными саклями служили малые дворы или горизонтальные крыши всех промежуточных строений. В окружающей стене, в башнях и во всех строениях, которые стояли одно над другим в невообразимом беспорядке, проделаны были по разным направлениям бойницы, из которых весьма удобно было обстреливать местность и сосредотачивать сильный ружейный огонь на всякий пункт.

К северо-востоку от Гергебиля через горный хребет по узкому Аймакинскому ущелью длиной в одну версту проходит тропинка к развалинам селения Аймаки. Это ущелье или, лучше сказать, трещина в горном хребте есть, по описанию Э.И. Тотлебена, одно из

самых замечательных явлений природы: скалы над подошвой ущелья поднимаются отвесно до 3000–4000 футов; в некоторых местах они сходятся так близко, что видна лишь узкая полоса неба, в других же образуют естественные своды; дорога иногда проходит через темные гроты, которые часто так узки, что едва два человека могут идти рядом. По подошве ущелья течет малый ручей Аймакинка, который, образуя во многих местах каскады, после выхода из ущелья протекает по глубокому оврагу с юго-восточной стороны Гергебиля и далее впадает в Казикумыкский Койсу. Из этой речки проведена была канава в ближайшую к ущелью башню, в которой был устроен единственный резервуар для снабжения гарнизона водой.

По западной и юго-западной стороне от Гергебиля до речки Койсу тянутся густые сады из огромных ореховых деревьев, между которыми растет кукуруза; местность здесь постепенно террасами спускается к реке.

При впадении речки Аймакинки в Казикумыкский Койсу существовало прежде малое укрепление, стены которого были сложены из камня на глине. В 1843 году, во время всеобщего восстания Дагестана, когда могущество Шамиля достигло своего апогея и он мог выставить в поле более 30 000 человек, горцы овладели укреплением, защищавшимся 12 дней с 2½ роты против десяти тысячного скопища.

Укрепление было разорено до основания, и Шамиль приказал укрепить аул Гергебиль, где потом часто собирались большие скопища, вторгавшиеся в соседнее Мехтулинское ханство и отбивавшие у мирных жителей стада, скрываясь со своей добычей в Аймакинском ущелье, где преследовать их было невозможно, потому что несколько человек могли остановить целый отряд.

В 1847 году Дагестанский отряд под личным начальством князя Воронцова подступил к Гергебилю, занял высоты с юго-восточной стороны и овладел садами. С батареи, построенной на высотах, пробиты были бреши в стенах и башнях аула; колонна охотников и батальон Апшеронского пехотного полка были посланы на штурм. Войска быстро заняли бреши и бросились дальше во внутренность селения; многие провалились через плоские крыши во внутренность строений, другие на каждом шагу встречали непреодолимые препятствия, находясь постоянно под самым сильным ружейным огнем, направленным в них из всех бойниц ближайших строений. При такой обстановке движение массой было невозможно, и князю Воронцову пришлось отказаться от продолжения штурма. Отступив

от Гергебиля, главнокомандующий обратил свои усилия против укрепленного селения Салты и, овладев этим аулом, разорил его до основания.

В 1848 году предположено было вновь атаковать Гергебель и построить укрепление, чтобы запереть Аймакинское ущелье. Для осады, равно как для постройки укрепления, заблаговременно приготовлены были в Темиран-Шуре все необходимые средства.

Части войск в составе до 10 000 человек, назначенные для покорения Гергебиля, разделены были на два отряда:

1) Главный отряд под личным начальством закаленного в кавказских боях генерала князя Аргутинского-Долгорукова в составе 15 батальонов пехоты, двух рот Кавказского саперного батальона, 500 человек пешей милиции, одного дивизиона драгун, 100 человек конной милиции и 46 орудий разных калибров вместе с артиллерийским и инженерным осадным парками должен был выступить из Темиран-Шуры.

2) Колонна генерал-майора Бриммера в составе четырех батальонов пешей и конной милиции при восьми орудиях выступила из Южного Дагестана в Гергебель.

3 июня артиллерийский и инженерный осадные парки под прикрытием двух батальонов направлены были из Темиран-Шуры через селения Оглы и Леваша в укрепление Ходжал-Махи, которое отстояло на 15 верст от Гергебиля.

5 июня войска главного отряда выстроились в каре у крепости; отслужен был молебен с коленопреклонением; затем князь Аргутинский пропустил войска церемониальным маршем, и отряд двинулся в поход с музыкой и песнями.

При главном отряде находился также Э.И. Тотлебен. Он направился через селение Дженгутай в Оглы. Жара была нестерпимая. Жители в аулах высыпали на крыши домов, и при виде войск, весело выступавших к предназначенной им цели, многие говорили: Шамиль пропал, Гергебель пропал. Другие угрюмо молчали, выказывая мало сочувствия русским.

В Оглы отряд нагнал парки. В некоторых повозках сломались оси, и произошла задержка, расстроившая расчет движения главной колонны.

Только ночью с 8 на 9 июня из Оглы выступили 10 батальонов, два горных орудия, дивизион драгун и милиции и шесть ракетных станков. Цель движения этого отряда заключалась в рекогносцировке селения Гергебель с северной и восточной стороны. Утром

войска расположились на Кудухских высотах, которые имеют около 5000 футов превышения над Гергебилем и от которых узкая тропинка спускается к укрепленному аулу. С рассветом Э.И. Тотлебену представилось величественное зрелище: перед его взором расстился весь непокорный Дагестан, и он подробно занес в свой дневник впечатления, вынесенные им в этот день.

Рекогносцировка проведена была лично князем Аргутинским; под прикрытием двух батальонов и милиции он спустился с большим трудом до половины всей высоты, сопровождаемый инженерными и саперными офицерами. При этом оказалось, что Гергебель укреплен так, как выше описано, и на самом высоком месте аула построена казематированная батарея. За садами на высоких крутых скалах Казикумыкского Койсу находился Шамиль со значительным скопищем, в укрепленном лагере на неприступной позиции, вооруженной орудиями; ущелье Кара-Койсу также было занято неприятелем. В двух верстах к югу от Гергебиля стояла колонна генерала Бриммера.

Когда заметили появление отряда, на позиции, занимаемой горцами, раздался выстрел, вероятно, для оповещения ближайших аулов о приближении русских войск.

Во время рекогносцировки найден был пункт, весьма выгодный для устройства впоследствии батареи с целью обстреливать вершину аула.

В дневнике своем Э.И. Тотлебен упоминает о тревоге, происшедшей в следующую за тем ночь. Заснув в палатке, он был разбужен раздавшимися выстрелами и громкими криками, вскоре смолкнувшими. Утром оказалось, что тревога поднялась от появления нескольких горцев, подкравшихся к отряду с целью забросать находившийся здесь колодезь. Исполнив свое намерение, они произвели несколько выстрелов против наших постов и быстро отступили. Один заснувший солдат упал при этом впросонках на своего товарища, ударив его концом штыка; а последний, услышав выстрелы, счел себя раненым и поднял крик. Этот крик повторился на всей линии, посты отступили, затем два батальона Дагестанского полка стали в ружье и с криком «Ура!» начали отходить... «Этот случай, — говорит Э.И. Тотлебен в своем дневнике, — возбудил всеобщее неудовольствие начальства и всех офицеров; рассуждали о том, что панический страх, вызванный ничтожным происшествием, часто может причинить позорное поражение целому отряду. Я был удивлен опасным духом, выказанным частью войск».

Но, по счастью, подобный случай более не повторялся за всю экспедицию, и войска выказали себя в продолжение всего трудного предприятия, направленного против Гергебиля, истинными молодцами старой и славной Кавказской армии.

Желая осмотреть укрепления Гергебиля с восточной стороны, князь Аргутинский спустился на следующий день с отрядом к развалинам селения Аймаки и взошел на горный хребет по другой стороне Аймакинского ущелья; отсюда была произведена вторая рекогносцировка, вниз по тропинке, проходившей по значительным крутизнам скал и по узким ущельям.

Здесь Эдуард Иванович первый раз находился под выстрелами и получил огненное крещение. Несколько офицеров, в том числе Тотлебен, спустились до последнего уступа Аймакинского ущелья, откуда ясно видно было все укрепление; при этом заметили, что устье ущелья нельзя было обстреливать из аула и что с противоположной стороны может быть разработана тропинка ко дну ущелья. Когда офицеры, производившие рекогносцировку, возвращались с донесениями к начальнику отряда, неприятель произвел несколько выстрелов из орудий. «От вершины аула, — говорит Э.И. Тотлебен, — выпустили против нас гранату. Выстрел был метко направлен, и граната лопнула в воздухе между нами и цепью; однако никто не был ранен. Неприятное чувство, которое я при этом испытал, было незначительное; вторую же гранату я встретил равнодушно».

Между тем отряд сделал переход в 18 верст по хребту к юго-востоку и расположился на ночлег близ селения Кутили, а на другой день по ущелью спустился к укреплению Ходжал-Махи и застал там осадные парки.

13 июня отряд соединился у Гергебиля с колонной генерала Бриммера и разбил свой лагерь на впереди лежащих высотах в расстоянии около 600 саженей от аула; артиллерийский и инженерный парки, на волах по дурной дороге, прибыли в лагерь 15 июня. Неприятель из аула и с укрепленного лагеря поддерживал огонь, наносивший нам небольшие потери.

Последующие действия Дагестанского отряда под Гергебилем разделяются Э.И. Тотлебенем на три периода:

1) От 16 до 24 июня: занятие передовой позиции перед аулом, овладение садами, устройство блокады.

2) От 24 июня до 6 июля: укрепление всех занятых позиций вокруг Гергебиля, ведение траншей, устройство брешь-батарей, бомбардирование и пробитие бреши в стенах, занятие аула.

3) От 6 до 16 июля: разорение укрепленного аула, устройство дороги по ущелью в селение Аймаки, отступление от развалин Гергебиля.

Рассмотрим в кратком очерке все эти действия, останавливаясь преимущественно на участии, принятом в них Э.И. Тотлебенем.

С рассветом 16 июня генерал Бриммер с колонной из четырех батальонов занял с юго-восточной стороны ближайшие к Гергебилю высоты, удаленные от аула на расстояние от 120 до 300 саженей. За этими ближайшими высотами расположили парки и саперный лагерь. Затем началась постройка батарей и подступов под сильным огнем неприятеля.

14 июня Тотлебен вздумал наблюдать за аулом с высоты впереди лагеря. «Вокруг меня, — рассказывает он, — находилось много солдат, также привлеченных сюда любопытством. Вдруг они бросились стремительно с горы, я отошел шаг назад и спросил с удивлением, что случилось; в это время прошипело у меня с правой стороны ядро; я сказал солдатам, что стыдно уходить, и стал выжидать появления второго ядра. Солдаты устыдились и подошли ко мне; я стоял здесь долго, наблюдая в подзорную трубу за аулом и горами; наконец я вынужден был возвратиться в лагерь, так как стрельба прекратилась».

Палатка Тотлебена в саперном лагере и расположенный здесь же инженерный парк подвергались жестокому огню неприятеля с трех сторон. Первое время Эдуард Иванович не имел поручений, бездеятельность под огнем его сильно тяготила, а зрелище впервые видимых им изуверченных людей произвело на него неприятное впечатление. Это отразилось даже в листках его дневника, где встречается нижеследующая пометка: «Я должен откровенно признаться, что неприятельская канонада возбуждала во мне весьма неприятное впечатление. Я думал, черт возьми, каково стоять под огнем гранат в бездействии и не имея важного поручения».

Но вскоре неприятное впечатление изгладилось, когда при той же обстановке пришлось ему руководить разнообразными инженерными работами.

Устраивая подступы в передовой высоте, Тотлебен замечает, что траншея была так узка, что он не мог по ней идти, не затрудняя рабочих. «Я вынужден был поэтому неоднократно ходить позади траншеи; оно не казалось мне опасным ввиду расстояния от аула, простиравшегося от 120 до 130 саженей; несколько пуль и картечей пролетали мне иной раз поверх головы — но я уже свыкся с огнем.

Князь Аргутинский сделал мне выговор, что я показываюсь слишком открыто неприятелю и бесцельно подвергаю себя опасности. Позже он повторил выговор через Кесслера».

Тотлебен постепенно входил в свойственную ему и после роль пренебрегать опасностью и личным примером побуждать солдата к исполнению порученной им работы; уже под Гергебилем стали проглядывать знакомые черты характера и деятельности будущего защитника Севастополя.

В одном из подступов к аулу сильный и меткий огонь неприятеля приостановил работу кабардинцев; Тотлебену пришлось их к тому принудить, став на то место, где сосредоточивался наиболее сильный огонь. «Я находился в этот день, — рассказывает Эдуард Иванович, — в хорошем и веселом расположении духа, и пули, казалось, еще более способствовали моему благоприятному настроению; мне не стоило никакого усилия шутить с солдатами насчет горцев и тем принудить их к работе, что мне вполне удалось».

В дневнике встречаются также рассказы об отличном духе, одушевлявшем наших молодцов: «Один солдат заметил, что небезопасно работать под столь сильным огнем, а товарищ ему в ответ: «А Бог на что?» Я часто бывал свидетелем подобных разговоров между солдатами, доказывающих, что русский человек пребывает в твердой вере в Бога и зависящей от него будущности».

Вникая в общий ход начавшихся военных действий, Э.И. Тотлебен тщательно заносит свои рассуждения и критические замечания в дневник. Замечания эти, свидетельствующие о верном военном взгляде молодого, еще неопытного в военном деле инженера, заслуживают того, чтобы привести их здесь целиком.

«План осады составлял даже для нас тайну; мы, исполнители его, часто не знали, с какой целью что-либо предпринимается, и почти никогда не видели, что нам предстояло выполнить на следующий день. Это выжидание и таинственное молчание во всем, даже относительно самых обыкновенных и простых вещей, невольно возбуждало наше неудовольствие.

Я еще не настолько знаком с Кавказской войной, чтобы высказать решительное мнение о более успешном ведении атаки. Но тем не менее хорошо иметь собственное мнение, нельзя его скрывать от себя, не обрекая ум на бездействие. Напротив того, нужно за всем наблюдать, взвесить все обстоятельства за и против и затем установить конечный результат своих размышлений.

Я начну с перечисления многих неудобств, которые можно было другим путем легко устранить.

Неприятель обстреливает нас со всех сторон, и в особенности в инженерном парке (который по всем правилам должен оставаться нетронутым) огонь сосредоточивается с трех сторон. Горцам легко попадать в цель, ибо они со своих высот могут обозревать всю занятую нами местность; поэтому они усиливают огонь, когда рабочие приближаются из большого лагеря к позиции или свежие войска подходят для смены. Горцы стреляют чрезвычайно метко, и, по необъяснимому счастью, мы ежедневно бывали свидетелями случайностей, которые неоднократно спасают нас от смерти и изувеченья. В саперном лагере и инженерном парке, в которых ежедневно падают до 30 гранат и столько же ядер, ни один человек не был еще ранен. Множество палаток разрываются, вещи разбрасываются, и никто не ранен.

Но я удаляюсь слишком от предмета моего рассуждения; я хотел сказать, что горцы занимают вокруг нас все высоты и действуют против нас не только артиллерийским, но и ружейным огнем, так как большинство наших батарей, равно и некоторые части войск, занимающие определенные пункты позиции, подвергаются неприятельскому ружейному огню.

«Что же делает наша артиллерия?» — спросят нас. Она стреляет, и стреляет весьма хорошо, но куда? В аул, где находится только 140 человек, а может быть, и меньшее число, между тем как значительные неприятельские силы безнаказанно занимают окрестности и пользуются каждым случаем, чтобы нападать со всех сторон на нашу почту. Итак, мы выпускаем бомбы, гранаты и ядра вовсе не с целью произвести брешь, ибо наши батареи расположены слишком высоко, или же причинить потери неприятелю, так как в ауле ни души не видно, за исключением артиллеристов, которые, вероятно, хорошо прикрыты; прочие защитники скрываются, вероятно, в погребах.

С нашей стороны артиллеристы пока не подбили еще ни одного неприятельского орудия, что действительно довольно трудно исполнить по причине командующего их положения и большого удаления.

Наши войска не подвигаются вперед, — чего же мы достигли в продолжение шести дней? Почти ничего!

Нам следовало с самого начала окружить аул со всех сторон, и мне кажется, что это было бы нетрудно исполнить.

9 июня, когда мы производили рекогносцировку Гергебиля с северной стороны, один батальон должен был спуститься с горы, следующий за ним батальон — устроить дорогу и третий — служить резервом. Эти три батальона с четырьмя горными орудиями могли затем занять Аймакинское ущелье и высоты к северу от аула. Один батальон с одним драгунским эскадроном следовало расположить в Аймаки, чтобы поддержать сообщение с противоположной стороной ущелья, занятой одним батальоном, одним эскадроном и одним орудием.

При таком образе действий мы воспрепятствовали бы горцам занять северную и северо-восточную окрестности аула и приобрели бы весьма выгодные места для заложения батарей, чтобы обстреливать аул с этой стороны.

Лицо, которому с прежнего времени известна была местность, должно было позаботиться о собрании в Шуре средств для устройства сообщения поверх ущелья.

Прочим войскам следовало подойти к аулу с восточной стороны, а именно из Ходжал-Махи, отделив от двух до трех батальонов для занятая левого берега реки Казикумыкский Койсу.

При таком образе действий горцы сохранили бы только одно сообщение — через реку Кара-Койсу, которое также легко было бы прервать после занятия садов с юго-западной стороны аула.

Защитники Гергебиля были бы со всех сторон окружены и вынуждены или покинуть аул, или же усилили бы гарнизон, против которого наши батареи направили бы со всех сторон опустошительный огонь».

Желания Э.И. Тотлебена относительно необходимости обложить Гергебель для достижения решительного успеха атаки осуществились только 22 июня: князь Аргутинский приказал полковнику Евдокимову выступить в сумерки с тремя батальонами пехоты и четырьмя горными орудиями по дороге в Ходжал-Махи, подняться ночью на гребень северо-восточного хребта, присоединить к своему отряду 1½ батальона и всю кавалерию, оставленные 11 июня (после рекогносцировки) на этой высоте; спуститься по другой стороне хребта в долину и запереть Аймакинское ущелье, поставив там около выхода шесть рот и всю кавалерию, за исключением драгун; потом с остальными силами, т.е. с тремя батальонами пехоты и дивизионом драгун, подняться на Кудухскую высоту, где стоял отряд 9 июня (при первой рекогносцировке), спуститься по направлению

к Гергебилию и, оттеснив назад скопища горцев, занять позицию на склоне высоты к северу от Гергебиля.

Чтобы ввести неприятеля в заблуждение, в тот же день навели мост через Казикумыкский Койсу и движением одного батальона угрожали напасть на левый берег этой реки.

23 июня под стенами Гергебиля завязалось кровопролитное шестичасовое дело; чтобы войти в связь с отрядом полковника Евдокимова, необходимо было занять сады на правом берегу речки Аймакинки и устроить дорогу через овраг, откопав спуск и подъем. Полковник князь Барятинский, руководивший этим делом, заплатил за одержанный им успех 49 убитыми и 177 ранеными, но, заняв с лишком половину всего протяжения садов, войска к вечеру отступили в завалы на нашей стороне оврага, когда работа при спусках была уже окончена.

Только на следующий день с рассветом полковник Евдокимов спустился со своим отрядом с Кудухской высоты — таким образом, обложение Гергебиля совершилось 24 июня, не встретив со стороны неприятеля сопротивления к его исполнению.

В садах для упрочения блокадной линии построены были три редута, сложены из камня и дерна пять башен, проложены дороги. В этих работах, производившихся под сильным перекрестным огнем, принимал также участие Э.И. Тотлебен. Ежедневные потери доходили до 15 человек, но он остался цел и невредим.

Окружив Гергебель со всех сторон, предположено было повести траншеи с юго-восточной стороны, построить там брешь-батарею и, подойдя крытым ходом через овраг к крайней башне, обращенной к Аймакинскому ущелью, где находился резервуар для воды, разрушить эту башню и резервуар и тем отвести воду.

Постройка брешь-батареи была поручена штабс-капитану Тотлебену, который разрешил предложенную задачу блистательным и вместе с тем своеобразным образом. Днем 28 июня Эдуард Иванович осмотрел с высот местность и избрал место батареи и приблизительное направление подступов. Работа исполнена была в ясную лунную ночь, и после трассировки работ шнуром батарея заложена на краю оврага в 80 саженьях от стен аула летучей сапой и вместе с тем ход сообщения в 120 саженьей длины к задней параллели.

Первая рота, назначенная для постройки батареи и ближайшего к ней подступа, была построена в ротную колонну в три взвода. Чтобы не обратить на себя внимания неприятеля, взводы эти при наблюдении возможной тишины выступили один после другого из

ближайшей параллели, сохраняя между собой дистанцию около 150 шагов. Первые два взвода несли туры, а третий — дощатые щиты, назначенные для закрытия амбразур. Первый взвод, подойдя рядами к правому фланку предполагаемой батареи, остановился и прилег; четыре сапера, приняв туры, ставили их один за другим по шнуру. Таким образом были поставлены туры и вторым взводом, а щиты, которые нес третий взвод, прислонены к турам с внутренней стороны. После этого вся рота, начиная с первого взвода, была вытянута в род цепи, в две шеренги на два шага дистанции, и люди прилегли за турами, пока другая рота не была поставлена по шнуру и траншейные караулы не были надлежащим образом размещены в закрытых местах⁷.

По команде обе роты приступили к работе, и тогда только неприятель, заметив ее, открыл сильный ружейный огонь со стен, из башен и многих строений аула; из одного орудия он действовал картечью, а из другого гранатами. Люди хорошо были закрыты турами и щитами; при этом сильном и продолжительном огне ранено только пять человек; траншея до рассвета углублена на 3 фута.

В следующие дни траншея уширена до 12 футов, а батарея — до 30 футов. Работа эта значительно затруднялась тем, что приходилось вытаскивать канатами огромные камни или взрывать их порохом. Внутренние отверстия амбразур этой батареи имели $3\frac{1}{2}$ фута ширины; они были расположены кремальерами, и по значительному командованию вершины аула бруствер батареи, а местами также и бруствер траншеи состояли из двух рядов туров, увенчанных

⁷ В то время у Э.И. Тотлебена уже вполне выработалось убеждение, что при траншейных работах всегда следует расставить людей из ротной колонны вроде цепи. По его мнению, при таком порядке взводным и полувзводным командирам легче передавать приказания и работа идет поспешнее. В случае же нападения со стороны неприятеля рабочие, бросив лопаты, схватив ружья и отступив на несколько шагов назад, смыкаются к середине и по второму взводу строят ротную колонну, которая тотчас может встретить неприятеля штыками. Это тем важнее, что иногда местность не позволяет поставить траншейное прикрытие впереди рабочих, и сами рабочие должны оказать первое сопротивление неприятелю, пока не подойдет резерв. Много значит, если рабочие убеждены, что они быстро успеют перейти в сомкнутый строй; тогда они не обращают внимания ни на выстрелы, ни на крики неприятеля и без приказа не перестают работать, а потому работа идет гораздо успешнее. В следующем году при осаде Чоха капитан Тотлебен продолжал придерживаться этого порядка расставлять рабочих и вполне убедился, что он лучше, чем вытягивать людей по шнуру в одну шеренгу.

тремя рядами фашин; при амбразурах поставлены были щиты⁸. Вся эта работа по трудности грунта могла быть окончена не ранее как в четверо суток; на пятый день батарея была вооружена четырьмя 12-фунтовыми и двумя 6-фунтовыми орудиями.

По поводу постройки брешь-батареи Эдуард Иванович занес нижеследующую заметку в свой дневник: «Вчера (т.е. 3 июля) мне удалось окончить данное поручение с полным успехом, ко всеобщему удовольствию; я имел при этом случай применить мои практические знания траншейных работ, и хотя я в продолжение пяти дней не спал ни одной ночи и также в продолжение дня не находил покоя, но тем не менее я находился почти постоянно в хорошем расположении духа, ибо сознание, что я могу быть полезен не только в мирное время, но и в военное время, ободряло меня необыкновенным образом. Кесслер, по-видимому, теперь другого обо мне мнения; мне кажется, он считал меня доселе большим теоретиком и прожектором.

Сегодня (4 июля) прекрасный вечер, я сидел перед своей палаткой, пил чай и долгое время следил за обоюдным действием нашей и неприятельской артиллерии... Две гранаты и ядро упали поблизости, ранив фельдшера... Прекрасное зрелище природы при лучах заходящего солнца растрогало меня и мысленно перенесло меня с театра военных действий в дорогой мне родительский дом... Я желал бы побывать в Риге и Петербурге — но только ненадолго, чтобы на другой же день снова приняться за свою деятельность при осадных работах под Гергебилем, которая начинает меня сильно интересовать».

В этих немногих строках вполне обрисовался наш славный инженер; таким же он явился под Силистрией и в Севастополе. Инженерное искусство, постоянно изучаемое им с особенной любовью, интересовало его как наука; он не смотрел на это искусство как на обязанность службы. Всякий затруднительный случай, встречающийся на практике, представлялся его пытливому уму как весьма

⁸ Припомним здесь, что щиты состояли из двух столбов, вкопанных на расстоянии 4½ фута между собой. Начиная сверху до 3½ фута над подошвой амбразур к столбам были прибиты доски; остальное отверстие амбразур закрывалось четырьмя щитами, которые ставились стоймя посредством ручек, приделанных к середине каждого щита, на такое расстояние между собой, чтобы при накатывании орудия дуло могло пройти между ними; для прикрытия же артиллериста, наводящего орудие, надевали на орудие и прикрепляли веревками особенный щит с вырезкой против мушки; щит этот назывался ездовым.

интересная научная задача, требующая особенного внимания для своего разрешения. Занимаясь своим делом с увлечением, со страстью, Тотлебен был неутомим, забывал и сон, и голод и всегда выходил победителем над встреченными затруднениями. В боевой практике в нем выказалось еще другое драгоценное качество: он вскоре вполне освоился и сжился с опасностями боевой жизни и начал проявлять во всех ее случаях ничем не возмутимое спокойствие и присутствие духа.

Обращаемся затем снова к дневнику: «Я едва окончил эту работу (т.е. брешь-батарею), как Кесслер просил меня помочь Кауфману⁹ при устройстве крытой сапы и батареи; две ночи я должен был хорошенько отдохнуть и потом снова приняться за работу. Поручение, данное Кесслером, весьма обрадовало меня, ибо более продолжительный отдых был бы мне в тягость».

Работы, о которых упоминает здесь Эдуард Иванович, относились к крытому ходу, выведенному к водяной башне на протяжении 65 сажений, и к постройке батареи на два легких орудия, чтобы по ночам обстреливать картечью тропинку, ведущую из укрепления к речке Аймакинке, и тем самым не позволять неприятелю брать воду, когда резервуар в башне будет разрушен.

К 6 июля против Гергебиля готовы были к действию восемь осадных батарей, вооруженные 30 орудиями. В этот день предположено было сделать бреши в стенах укрепления, разрушением резервуара и водяной башни лишить гарнизон воды и, наконец, усиленным бомбардированием разрушить строения аула и навести страх и ужас на гарнизон, отрезанный от скопищ Шамиля и совершенно предоставленный собственной обороне.

В 4 часа утра началась канонада со всех батарей и неумолкаемо продолжалась до 11 часов и от часа до сумерек. Орудия брешь-батареи и еще двух батарей направлены были на часть укрепленной ограды, ближайшей к речке Аймакинке; бомбы и гранаты с прочих батарей громили внутренность аула и беспрестанно производили взрывы; над Гергебилем поднимались столбы пыли, и пороховой дым закрывал солнце; в этот день выпущено было 5000 снарядов.

В стене и в четырех башнях сделаны бреши; резервуар в башне и водопроводная канава разрушены, вода отведена. Все строения частью обращены в развалины, а частью сильно повреждены. Сознавая всю безвыходность своего положения, гарнизон Гергебиля

⁹ Инженер-капитан Константин Петрович фон Кауфман.

решился покинуть защищаемый аул и пробиться для соединения с Шамилем.

В темную ночь с 6 на 7 июля секреты, расположенные перед редутами в садах, заметили по всей линии движение неприятеля; они отступили к своим резервам и на приближающийся шум открыли из всех редутов сильный картечный огонь. Казалось, что малые партии в разных местах между крайним редутом и позицией полковника Евдокимова, а также между редутами в садах и по оврагу старались спастись бегством. С мортирных батарей бросали бомбы по дороге, где находился единственный мост для переправы к укрепленной позиции Шамиля. С рассветом рота Ашперонского пехотного полка, имея три роты в резерве, была послана для рекогносцировки Гергебиля. Рота через брешь вошла в аул, заняла его, и тогда только вполне убедились, что весь гарнизон обратился в бегство. В садах неприятель бросил одно орудие и множество вещей, а на пути следования оставил кровавые следы; в самом ауле найдено другое подбитое орудие, небольшой запас зарядов и много тел, закопанных близ вершины горы. При осмотре аула оказалось, что в нем была только одна весьма узкая улица, которая, делая между строениями много изгибов, вела от нижней стены к его вершине; улица эта была заграждена во многих местах каменными и деревянными завалами. Сообщение по другим направлениям производилось через самые строения по крышам их. Проходя и пролезая в узкие и низкие двери довольно темных сакль, в стенах которых везде были прорезаны бойницы, приходилось вдруг останавливаться перед подвалом или высокой стеной и возвращаться назад для отыскания пути к вершине аула.

«Не встречая, — говорит Э.И. Тотлебен, — никакого сопротивления со стороны неприятеля при занятии аула, мы поднимались почти целый час от нижней стены к вершине аула и при этом чрезвычайно утомились. Но как штурмовать подобный аул, когда гарнизон имеет решительное намерение защищаться до последней крайности? Из множества бойниц на каждого человека направлены винтовки; горец, сидя в темной сакле за низкими дверьми с шашкой или кинжалом в руке, готовится нанести смертельный удар каждому, кто, стараясь ворваться в нее, должен нагибаться или входить ползком, не зная внутреннего расположения комнат и как они заняты неприятелем, между тем как каждый горец убежден, что в случае большого натиска он всегда вовремя успеет отступить по знакомому ему пути. Вот почему штурм подобных аулов только тогда

может быть удачен, когда: 1) он делается совершенно неожиданно; 2) когда по каким-либо обстоятельствам неприятель упал духом и колеблется в намерении, защищаться ли ему или нет, и, наконец, 3) когда удалось навести на него панический страх».

После выхода горцев из Гергебиля войска осаждавшего отряда продолжали занимать прежнюю позицию; только осадная артиллерия со всеми тяжестями была отправлена в Ходжал-Махи, а при отряде оставлены одни легкие и конные орудия.

Затем приступлено было к разрушению занятого аула: вырубали сады, стены и башни Гергебиля были взорваны порохом, все строения в ауле разрушены до основания, вынутый из них лес ежедневно перевозился на всех подъемных лошадях отряда через ущелье к развалинам селения Аймаки, где предполагалось устроить укрепление; оставшийся лес затем сожжен в овраге.

«В темную ночь, когда горел вывезенный лес, окружающая местность была удивительно освещена; казалось, что скала, на которой недавно еще стоял один из богатейших аулов Дагестана, была покрыта раскаленной плавучей лавой; вдали за Койсу на высокой горе виднелась палатка Шамиля, вынужденного быть праздным зрителем этого разрушения».

Штабс-капитану Тотлебену поручено было проложить дорогу от Гергебиля через Аймакинское ущелье на протяжении семи верст. К 15 июля дорога была окончена, и утром по ней двинулись в Аймаки 2½ батальона с четырьмя горными орудиями. Решено было немедленно приступить к постройке здесь укрепления на три роты.

В тот же день произведено было отступательное движение отряда с позиций вокруг Гергебиля и сосредоточение войск в большом лагере.

Когда полковник Евдокимов с тремя батальонами и четырьмя орудиями спустился со своей позиции в сады, войска наши подверглись жестокому преследованию горцев, которые бросались на них в шашки и кинжалы. Отступление через Аймакинский овраг совершилось медленно и в примерном порядке, с потерей 55 убитых и раненых. Неприятелю была причинена большая потеря взрывом шести полевых и камнеметных фугасов по занятии горцами крайнего редута линии обложения.

С рассветом 16 июля Дагестанский отряд начал отступать в боевом порядке в укрепление Ходжал-Махи. «Было прекрасное утро. Воздух был свеж и прохладен. Солдаты выступили с песнями, и военная музыка раздавалась в горах. Все казались довольными, что

удалось исполнить предположенное предприятие со столь малыми потерями».

Во время осады с нашей стороны убито 80 и ранен 271 человек. Выпущено 10 000 снарядов.

Итак, заключает Э.И. Тотлебен свое описание военных действий над Гергебилем, эта экспедиция увенчалась полным успехом. Укрепленный аул этот разрушен до основания, и неприятель лишен всякой возможности через Аймакинское ущелье делать вторжения в Мехтулинское ханство¹⁰.

В 2 часа пополудни 16 июля отряд достиг Ходжал-Махи, где войска расположились лагерем в прелестных садах и, отдыхая под тенью развесистых ореховых деревьев, праздновали свою победу над Гергебилем.

Здесь отряд расстался с двумя батальонами Кабардинского полка, которыми командовал будущий фельдмаршал флигель-адъютант полковник князь Барятинский; он должен был возвратиться в Темиран-Шуру и оттуда следовать далее к Чечне. Перед выступлением князь Барятинский устроил прощальный обед; и «к нему удалось привлечь князя Аргутинского, который обыкновенно отстраняется от всяких увеселений. Он принес даже четыре бутылки шампанского и принял охотно участие в общем веселье. При этом уговорили его поблагодарить войска за их храброе поведение под Гергебилем»¹¹.

После сосредоточения Дагестанского отряда в Ходжал-Махи начались передвижения или, лучше сказать, прогулки по горам, продолжавшиеся целый месяц. Передвижения эти имели целью отвлечь внимание горцев от Чечни. Неприятель нигде не вступал в бой и повсюду отступал перед нашими войсками¹². Э.И. Тотлебену

¹⁰ По случаю взятия Гергебиля князь Воронцов получил от императора Николая рескрипт, в котором между прочим читаем следующее: «Одобрив предположения ваши о военных действиях в нынешнем году на Кавказе, я был уверен, что действия эти увенчаются полным успехом. Ныне и с особенным удовольствием вижу исполнение моих ожиданий *в искоренении с самою незначительною потерю* укрепленного аула Гергебиля, занятие которого столь важно в видах вящего утверждения нашего владычества в Дагестане».

¹¹ Дневник Э.И. Тотлебена.

¹² 7 и 8 августа лагерь отряда разбит был на террасах бывшего укрепленного аула Салты, разгромленного в 1847 году. Тотлебен с особенным интересом осмотрел развалины аула и прошлогодние траншейные работы. Могилы русских оказались разрытыми, а кости их разбросанными по полю. Здесь князь Аргутинский получил известие о назначении его генерал-адъютантом.

поручалось проложение некоторых дорог, а затем он участвовал в рекогносцировках, производимых князем Аргутинским. Из них рекогносцировка, произведенная из лагеря на Турчи-Даг в направлении к укреплению Чох, ознакомила Эдуарда Ивановича с местностью, на которой ему предстояло оказать новые отличия в экспедиции 1849 года. Наконец начались дожди, в горах выпал даже снег, и 17 августа началось обратное движение отряда к Темиран-Шуре. 29 августа Тотлебен со штабом возвратился в эту крепость, пробыв три месяца в экспедиции.

30 августа, в день тезоименитства государя цесаревича, Эдуард Иванович танцевал уже на балу у князя Аргутинского, надевшего в этот праздник впервые генерал-адъютантский мундир, полученный им за взятие Гергебиля. Впечатления, испытанные Эдуардом Ивановичем при возвращении в обстановку мирного времени, сохранились в письме его к брату: «Бал этот произвел на меня совершенно особенное впечатление. В продолжение трех месяцев я видел только громадные горы, татар, восточные деревни, противных старух среди местных жителей и вьючных лошадей; я постоянно жил под открытым небом и не был ни в одном доме, ни в одной комнате. Вдруг я вступаю в освещенную залу, нахожусь среди европейских дам в изысканных туалетах и грациозного вида, слышу нежные женские голоса, вижу снова военных в русских мундирах, в блестящих эполетах. Полковая музыка играет знакомую польку, и суровые воины, превратившись в любезных кавалеров, кружатся с зефиробразными красавицами по зале. Среди офицеров находилось множество татарских князей в своих разнообразных, высоких и низких, остроконечных и круглых головных уборах и в богатых азиатских костюмах. Мне казалось, что я нахожусь в маскараде, потому что подобной смеси европейского с азиатским я еще никогда не встречал в обществе. Мне казалось, что это зрелище вызвано волшебным жезлом, так как экспедиция все еще сидела у меня в голове. Я не могу сразу освоиться с мыслью, что снова нахожусь на танцевальном вечере; но когда я сам начал танцевать и имел достаточно времени ближе взглянуть на окружающие предметы, мой волшебный мир вскоре расстался со мной. Я стал замечать, что дамы далеко не были столь прекрасными и привлекательными, как это мне первоначально представилось; меня поразило отсутствие в них женственности, одним словом, они имели слишком воинственный вид... невольно я перенесся мыслью в Петербург... и вскоре потерял всякую охоту танцевать».

Но отдых Эдуарда Ивановича в Темиран-Шуре был непродолжительным. Шамиль готовил в это время вторжение в Самурскую область, и вспыхнувшее здесь восстание вызвало вскоре Дагестанский отряд к совершению трудной осенней экспедиции.

II

Возвращение главных сил Дагестанского отряда в Темиран-Шуру развязало руки горцам. Шамиль избрал предметом действий Самурский округ. Первоначально князь Аргутинский получал довольно благоприятные известия; казалось, что после отражения первого натиска горцев на селение Ихрек взволнованный край успокоится. Но вскоре восстание охватило Самурский округ; горцы заняли Лучек, Рутул, угрожая взятием укрепления Ахты. Князь Аргутинский решился немедленно двинуть войска на помощь слабым силам, на которые обрушился Шамиль в Южном Дагестане, и 10 сентября отряд уже выступил из Темиран-Шуры. В штабе князя Аргутинского по-прежнему находился Э.И. Тотлебен.

Отряд двинулся через селения *Огл*, *Вехлю*, *Кегелю*, *Усу-Кялхан* и *Амар* на *Курах*. Во время экспедиции погода внезапно переменилась; дождь, снег и порывистый ветер сопровождали войска при исполнении трудного и форсированного марша по негостеприимным горам Дагестана.

Тем не менее отряд вступил уже 17 сентября в Курах, находящийся в 20 верстах от Ахты, через горный перевал; силы его с присоединением подкреплений, захваченных дорогой, состояли из девяти батальонов при восьми орудиях, 1½ стрелковой роты, одного дивизиона драгун, 100 казаков и 100 милиционеров.

В Курах к князю Аргутинскому прибыл штабс-капитан Бучкиев, посланный 16 сентября командовавшим укреплением Ахты с донесением об отчаянном положении, в котором находился малочисленный его гарнизон¹³.

Рассмотрим теперь вкратце, что происходило в Ахтах со времени появления перед ним скопищ Шамиля.

Укрепление Ахты располагается на правом берегу реки Ахты-Чай при впадении ее в Самур, вблизи от главного селения горных

¹³ Укрепления Ахты на реке Самур возведены были в 1839 году во время командования Кавказским корпусом генералом Головиным после вторжения, произведенного горцами в Нухинский уезд.

магалов Ахты. На противоположном левом берегу Самура поднимаются значительные высоты, которые вполне командуют над внутренностью крепостцы.

Укрепления Ахты имели вид неправильного пятиугольника с пятью бастионными фронтами с каменными стенами в 15 футов высотой; куртины составляли стены оборонительных казарм крепости. В 1847 году впереди укрепления вырыт был ров и насыпан гласис. Вооружение состояло из 10 орудий¹⁴. Гарнизон заключал в себе в начале блокады 300 штыков и 27 артиллеристов. Начальник округа полковник Рот находился в укреплении.

13 сентября Шамиль прибыл в селение Ахты. Он был одет в теплой шубе и держал в руках весы. «Я пришел к вам, — сказал он, — и останусь у вас зимовать. Как видите, я взял с собой шубу. Эти весы показывают вам перевес ваших грехов; в вашем стаде множество свиней. Если вы желаете удостоиться вечного блаженства и быть в раю, то возьмите эту крепость у неверных»¹⁵.

Хотя сообщения с укреплением были прерваны уже с 10 сентября, но 14 сентября последнему подкреплению, состоявшему из одной роты князя Варшавского полка (200 рядовых при 22 унтер-офицерах), удалось еще пробиться в Ахты. При роте находился того же полка капитан Новоселов.

Итак, горсти храбрецов предстояла славная задача защищать слабое укрепление против многочисленных скопищ горцев под личным начальством Шамиля, Даниель-бека и Хаджи-Мурата.

15 сентября из фашин и бревен, принесенных с собой, горцы быстро набросали завал против 1-го бастиона. Разбить этот завал было невозможно: ядра и гранаты сбивали лишь несколько фашин, на место которых набрасывались сотни новых¹⁶. Подобный завал мюриды повели и против 4-го бастиона.

При первых выстрелах неприятеля полковник Рот был тяжело ранен; офицерам пришлось выбрать из своей среды нового начальника для управления защитой крепости. Общий их единодушный выбор пал на капитана Новоселова, «известного всем им на опыте

¹⁴ Три пороховых погреба помещались за 5-м бастионом: в первом из них находилось 400 пудов пороху, во втором 96 бочонков, в третьем были снаряды и заряды. Стены погребов были каменные, крыши плоские, деревянные, покрытые землей в один фут толщиной.

¹⁵ Из дневника Э.И. Тотлебена.

¹⁶ Подойдя к крепости, каждый горец принес с собой по фашине; кроме того, они навьючивали целые сотни ослов, которых пригнали к стенам Ахты.

отважной храбростью, хладнокровием и распорядительностью в военном деле»¹⁷.

В первый день осады гарнизон потерял 20 человек рядовых убитыми и 32 ранеными, всего 52 человека; в этом числе большая часть артиллеристов (из 27) выбыла из строя оттого, что в амбразурах не имелось щитов, и горцы били прислугу на выбор. Командовавший укреплением тотчас же приказал изготовить деревянные, обитые железом щиты в амбразур и маски на орудия.

Между тем перебрасыванием задних рядов фашин вперед горцы незаметно подвигались к укреплению. Ядра и гранаты пронизывали кучу фашин, но повреждения быстро исправлялись атакующим при громких песнях из Алкорана, и затем снова начиналось перекидывание фашин и бревен.

Независимо от своих подступов неприятель на левом берегу Самура на высоте, командующей крепостью, устроил батарею из двух орудий. Ею управлял беглец, фейерверкер Никитин. Часа в два пополудни 16 сентября он закричал с горы: «Берегитесь, Никитин промаха не даст». Действительно, после шести или семи выстрелов граната ударила в крышу порохового погреба, пробила ее и воспламенила находившийся там в количестве 400 пудов порох. Действие взрыва было ужасно: 5-й бастион с двумя медными единорогами и бывшие в нем штабс-капитан Байдаков и 44 человека рядовых взлетели на воздух. Немедленно на месте разрушенного бастиона защитники возвели ретраншемент из кулей с провиантом и завалили брешь кулями и мешками из шинелей, пользуясь нерешимостью горцев, пораженных неожиданным взрывом. Но вскоре неприятель опомнился и с оглушительным воплем «Алла!» бросился на штурм обвала так неистово, что часть защитников между 5-м и 6-м бастионами дрогнула и бросилась внутрь крепости. Наступила критическая минута, и участь укрепления казалась решенной. Но присутствие духа капитана Новоселова спасло дело защиты. Двое первых из бежавших пали жертвами под ударами пашки командовавшего крепостью, и вслед за тем раздался крик: «Капитан рубит!» Смятение гарнизона прекратилось, все пришло в порядок. Горцы были опрокинуты.

Не прошло двух часов после взрыва порохового погреба, как от другой неприятельской гранаты взлетел на воздух зарядный ящик,

¹⁷ Письмо князя Воронцова военному министру князю Чернышеву от 6 января 1849 года.

причем гарнизон снова понес значительную потерю в людях. При вечернем рапорте 16 сентября всего оказалось налицо 390 человек. Внутренность укрепления представляла страшное зрелище: трупы людей и лошадей валялись повсюду, угрожая произвести заразу, а убрать их было некогда, да и некому. Стоны раненых и умиравших сжимали сердце... но не было средств облегчить участь страдальцев; недоставало ни помещения, ни медицинских пособий.

С целью известить князя Аргутинского о безвыходном положении ахтынского гарнизона командовавший крепостью отпустил штабс-капитана Бучкиева, который ночью с 16 на 17 сентября с двумя самурскими беками и в сопровождении трех нукеров и казака, переодевшись в лезгинские лохмотья и пользуясь темнотой ночи, вышел из крепости и благополучно явился к князю Аргутинскому 17 сентября в Курах.

Немедленно двинуты были войска через горный перевал и назначено передовым частям произвести 18-го числа рекогносцировку укреплений Ахты.

Между тем положение осажденных стало еще затруднительнее. Подвижные завалы горцев быстро шли вперед, 17 сентября неприятель работал уже на гребне гласиса 1-го и 4-го бастионов. С утра уже 80 бочонков пороху было приготовлено на случай ожидаемой смерти. Обходя батареи, капитан Новоселов спрашивал: «Сумеет ли мы, ребята, умереть, как умерли наши товарищи в Михайловском укреплении?» Солдаты отвечали: «От нас поживы нехристям не будет». «Да я первый взорву укрепление», — говорил один из храбрейших защитников Ахты — унтер-офицер князя Варшавского полка Дмитрий Иванов.

18 сентября подземный стук обнаружил, что неприятель ведет минную галерею под бастион¹⁸.

В ожидании взрыва неприятельского горна капитан Новоселов для защиты обвала устроил на 1-м бастионе горжу из кулей; перед

¹⁸ Горцы подвели подземную галерею без всяких рам прямо под ров, на самый исходящий угол бастиона; вместо порохового ящика заложен был медный котел с просверленным небольшим отверстием в стенке, куда вставлены были один в другой три ружейных ствола, образовавшие желоб, который был ввинчен в отверстие котла и насыпан порохом. Когда после осады осматривали неприятельские работы, то в расстоянии сажени от стволов нашли убитого мюрида, который, вероятно, зажигал мину и по неопытности в этом деле поплатился за то жизнью. Осажденным нельзя было вести контрмину по недостатку рук и инструментов.

ней оставлено было одно орудие при самом необходимом только числе людей.

В полдень 18 сентября к неопisanному восторгу гарнизона увидели русские войска, спускавшиеся с вершины перевала по дороге из Кураха; это были передовые части отряда князя Аргутинского.

Заметив приближение русских войск, горцы, работавшие против 1-го, 4-го и 5-го бастионов, бросились от укрепления; их проводжали из крепости картечью. Пользуясь отступлением неприятеля, обороняющийся произвел вылазку для разрушения, по возможности, осадных работ горцев.

Но радость гарнизона была непродолжительна. Отряд, будучи уже в виду укрепления, не мог по неимению моста, разрушенного горцами, перейти через реку Самур. Он поднялся обратно на гору и пошел в обход. Укрепление снова осталось на жертву всем случайностям осады, будучи предоставлено собственным силам¹⁹.

С удалением отряда горцы возвратились к прерванным работам, которые по краткости времени осажденные не успели разрушить в желаемой степени.

«Как велика была радость гарнизона при появлении наших войск, так глубоко было их разочарование и горе при виде, что последняя надежда на спасение исчезает. Женщины, которых было много в укреплении²⁰ и которые до сих пор в надежде скорого освобождения Дагестанским отрядом храбро переносили осаду, теперь ударились в плач, и надо было много забот и труда, чтобы унять их и восстановить в гарнизоне прежний дух»²¹.

Обратимся теперь к дневнику Э.И. Тотлебена для уяснения соображений, руководивших действиями князя Аргутинского:

«Во время рекогносцировки 18-го числа «гарнизон Ахты уже считал себя освобожденным и встретил наше появление громкими криками «Ура!». Но для нас было невозможно перейти через реку, так как мост был разрушен мюридами; мы вынуждены были отступить и предпринять большое обходное движение в 60 верст».

«Предприняв форсированный марш к Ахтам, приятный исход угрожавшей нам и гарнизону опасности был еще весьма сомнителен.

¹⁹ Семен Новоселов. Рассказ об осаде укрепления Ахты // Художественный листок. 1851.

²⁰ В числе дам, захваченных блокадой в укреплении Ахты, находилась также дочь полковника Рота. Шамиль обещал ее в жены храбрейшему наибу, который наиболее отличится при штурме крепости.

²¹ «Защита укрепления Ахты и Самурского округа», издание «Кавказцы».

В Курах мы встретили среди жителей много недовольных лиц; казалось, они выжидают только небольшого успеха со стороны партии мюридов, чтобы принять их сторону.

Итак, положение наше в горах между Ахты и Курахом было довольно критическое; перед нами находилась целая область, подчинившаяся Шамилю и относившаяся теперь к нам враждебно; у наших ног находилось небольшое укрепление, в котором ничтожный гарнизон держался против в сорок раз сильнейшего неприятеля. Маневрирование среди высоких гор и узких глубоких долин представлялось делом нелегким.

В нашем тылу все умы были подготовлены к совершенному отпадению; мы ежедневно находились в ожидании, что население поднимет против нас оружие. Князь Аргутинский, по-видимому, колебался подать гарнизону крепости руку помощи. Но он руководствовался в своем решении основательными и глубоко обдуманнами соображениями. Чтобы предотвратить повторение печальных событий 1843 года, мы нуждались в решительной победе. Поэтому нельзя было основать какое-либо предприятие на случайности; приходилось действовать с осторожностью и рассчитывать на несомненную победу. Эту победу нам удалось одержать 22 сентября у Мискенджи.

Но план и намерения князя составляли (до принятия сражения) тайну; поэтому нерешительность и медленность в действиях при освобождении крепости Ахты от блокады возбуждали среди лагеря весьма серьезное настроение.

Вообще распространено было убеждение, что гарнизон Ахты не в состоянии продлить надолго оборону; взрыв порохового погреба уменьшил численность гарнизона и открыл неприятелю брешь; кроме того, нам было известно, что мюриды уже четвертый день ведут подкоп, который должен был к этому времени приближаться к концу, и затем следовало ожидать штурма. Упущенное время казалось драгоценным, и тем не менее продолжали медлить. Взятие Ахты доставило бы неприятелю опорный пункт и передало бы в его руки 10 орудий большого калибра и множество пороха и снарядов в то самое время, как наш отряд имел при себе только 10 горных орудий малого калибра.

Нам оставались неизвестными местные условия во всем их объеме, и потому нерешительность князя казалась нам непонятной. Удержание за нами крепости представлялось вопросом первостепенной важности; к тому же затруднительное положение гарнизона

и предстоявшая ему, может быть, печальная судьба возбуждали среди отряда живейшее сочувствие».

Князь Аргутинский, приняв решение двинуться в обход на вырубку к Ахтам, совершил по горам утомительный и трудный переход и 21 сентября, переправившись ниже через реку Самур вброд, расположился на ночлег у села Зухула близ Хазр. Здесь к нему прибыли новые посланные из Ахты с извещением о безвыходном положении гарнизона, ожидающего ежеминутно окончательной гибели.

Действительно, 18 сентября положение осажденных стало окончательно безнадежным.

19 сентября прошло в непрерывной перестрелке и работах со стороны неприятеля, который подвигал свои траншеи по гласису и с вершины завалов забрасывал ров. 20 сентября в полдень прекратилась перестрелка, и после глубокой тишины, продолжавшейся два часа, раздался взрыв: неприятель взорвал исходящий угол 1-го бастиона. Вслед за взрывом горцы ринулись на штурм обвала и в то же время бросились с лестницами на 4-й и 5-й бастионы. После самой отчаянной рукопашной схватки на штыках и кинжалах неприятель был отброшен на всех пунктах, а брешь 1-го бастиона буквально была завалена телами его убитых.

Отступавшие от крепости горцы были встречаемы ударами нагаек и шашек мюридов, поставленных Даниель-беком.

Отбитие второго штурма вознаградило с избытком упадок духа в гарнизоне, который распространился после неудачной демонстрации князя Аргутинского. Отсутствие воды, недостаток горячей пищи, смрад от трупов, томительная неизвестность будущего — все с каждым часом делало состояние гарнизона тягостнее. Восьмые сутки никто не смыкал глаз, и люди были в совершенном изнеможении. К тому же защитники были уменьшены убитыми и ранеными почти наполовину, всего оставалось около 250 человек рядовых. Капитан Новоселов был ранен пулей в живот и контужен камнем в голову²².

²² Утром 21 сентября пошел наконец сильный дождь; для утомленного гарнизона этот дар небес явился истинным спасением. Ведра, ушаты, котлы — все сносилось под желоба зданий; запекшиеся уста с жадностью глотали холодную влагу. В первый раз после восьмисуточного недостатка в горячей пище гарнизон сварил себе кашу.

Неприятель с усиленной деятельностью продолжал свои траншейные работы; в особенности угрожал он 5-му бастиону, на котором зарыт был порох для взрыва укрепления в случае надобности.

Последним средством для спасения укрепления оставалось послать новое извещение о безнадежном его состоянии князю Аргутинскому. При первом вызове для исполнения этого трудного дела явились унтер-офицер (Иван Меркулов) и рядовой (Андрей Тихонов) князя Варшавского полка. Обрив головы и одевшись по-лезгински, они в сопровождении пяти мирных ахтинцев отправились в путь и, как выше упомянуто, благополучно добрались вечером 21 сентября до стоянки князя Аргутинского, только что перешедшего на правый берег Самура. Э.И. Тотлебен выполнял в отряде должность офицера Генерального штаба и, между прочим, перевел войска через реку вброд.

22 сентября решилась участь смелого предприятия, задуманного Шамилем.

С рассветом отряд князя Аргутинского двинулся от селения Зухула к Ахтам; неприятель пересек дорогу между бывшим фортом Тифлиским и селом Мискенджи. Позиция, занятая горцами, была чрезвычайно сильна. На самой дороге, поднимающейся весьма круто, между скалами были построены крепкие завалы в несколько ярусов. Правый фланг упирался в отвесный хребет, обходимый только на расстояние десяти верст; левый оканчивался отвесным обрывом в Самур; значков было много, численность сосредоточенных здесь скопищ горцев, как пеших, так и конных, простиралась до 7000 человек. Они находились под начальством Даниель-бека и Хаджи-Мурата.

К полудню князь Аргутинский сосредоточил войска своего отряда; на самом русле реки Самур была поставлена батарея из четырех орудий и десяти ракетных станков, обстреливавшая во фланг неприятельскую позицию; вся кавалерия (милиция, казаки и драгуны) переправилась на левый берега Самура и подошла к броду, ведущему в тыл неприятелю. Войска двинулись в атаку с фронта позиции. В главной колонне находились три батальона князя Варшавского полка при четырех орудиях, поддерживаемые 2-м батальоном Апшеронского полка под командой полковника Манюкина (командира князя Варшавского полка).

Скопища горцев, покрывавшие горы, пустили град камней и пуль; но батальоны без выстрела дружно поднимались в колоннах. Подполковник Кишинский повел 2-й батальон князя Варшавского полка на самую крутую высоту, увенчанную сильным завалом, который составлял ключ позиции; подойдя под завал, он остановил батальон, чтобы дать людям перевести дух; тогда все толпы мюридов

из завалов ударили в пашки и на своих плечах внесли Кишинского и батальон его в завал. Майор Алтухов с 3-м батальоном стремительно атаковал левый фланг позиции над самой кручей и почти без выстрела ворвался и выбил мюридов из занимаемой ими крепкой позиции. Подполковник Пирогов с 1-м батальоном шел на центр позиции и, не останавливаясь ни разу, выдержал самый сильный огонь с обоих флангов. Атака была ведена в замечательном порядке и с таким порывом мужества, что неприятель не мог устоять. Как только горцы дрогнули, наша кавалерия переправилась им в тыл через реку Самур и атаковала выбитого из завалов неприятеля во фланг.

В час пополудни неприятеля уже не было на месте сражения. Все поле на расстоянии трех верст покрыто было телами, числом до трехсот. Солдаты ожесточены были до крайности; неоднократно 10 и 20 штыков работало над одним лезгином. Захвачено было три значка и до 40 пленных, которых с трудом удалось спасти из рук разъяренных солдат.

С нашей стороны убито 16 человек и ранены шесть офицеров и 152 человека нижних чинов.

Бегство неприятеля продолжалось мимо Ахтинской крепости; горцы уже не выбирали пути вне выстрелов ее и были провожаемы картечью со стороны обрадованного гарнизона, для которого наконец пробил час освобождения.

Вскоре Дагестанский отряд подошел к стенам освобожденного Ахтинского укрепления. Князь Аргутинский подъехал к крепости и похвалил встретивший его на стенах гарнизон за храбрость и выказанное самоотвержение. Наступила минута радостного восторга. Освобожденный гарнизон кричал «Ура!» и кидал шапки в воздух; все крестились и целовались друг с другом.

«Полковник Рот и капитан Новоселов открыли князю Аргутинскому ворота, — рассказывает Тотлебен, — мы вошли в крепость, и я начал рассматривать с величайшим любопытством повреждения, причиненные взрывом порохового погреба и неприятельского горна. Штукатурка обвалилась на всех зданиях, некоторые из них были совершенно срыты, у других стены утратили отвесное положение. Все стекла в окнах были выбиты и завешаны матами; деревья обожжены. На площади в середине укрепления виднелся целый круг свежих могил; здесь погребены были павшие храбрецы. Во рву лежало еще множество тел, распространивших невыносимое зловоние».

Началась кровавая расправа. 23 сентября аул Ахты был отдан на разграбление солдатам. Затем Э.И. Тотлебен отмечает в своем дневнике: «Двое мюридов заколоты перед палаткой князя, и тела их брошены в Самур. 24 сентября двинулись к Рутулу; жители повсюду выдают мюридов и зачинщиков восстания. 25 сентября отряд остается в Рутуле. Мы едем с князем вверх по Самуру через два аула до селения Лучек. Все эти аулы, в особенности же последний, занимают весьма крепкую позицию; они вполне замыкают узкую дорогу по долине. Мы убедились при этом, что жители могли вполне задержать неприятельские силы. Население является без оружия. При возвращении князь приказал зажечь дом одного беглеца. 26 сентября мы возвратились в Ахты».

Э.И. Тотлебен пробыл здесь до 1 октября. Князь Аргутинский предпринял объезд селений, расположенных к югу от Ахты, и занимался устройством дел края. В это время Тотлебен приступил к снятию плана укрепления Ахты и собиранию сведений по геройской обороне его и по восстанию Самурского округа.

1 октября Э.И. Тотлебен отправился с князем Аргутинским обратно в Темиран-Шуру, а войска Дагестанского отряда распущены были на зимние квартиры. Таким образом, освобождением от блокады укрепления Ахты и успокоением Самурского округа закончилась экспедиция 1848 года.

Затем Э.И. Тотлебен сопровождал князя Аргутинского в поездках по Северному Дагестану. Предпринята была рекогносцировка неприятельского аула Гимры, в котором убит был в 1832 году *Казимулла*²³.

Несколько дней спустя, 30 октября, начался осмотр укрепленной линии по реке Сулак, начиная от форта *Евгениевского* через *Чир-Юрт*, *Казимуллу* к Каспийскому морю в *Петровск*.

В письмах Эдуарда Ивановича к брату мы по этому поводу читаем: «Система укрепления всех этих фортов, отличное состояние гарнизонов и артиллерии... представляли для меня величайший интерес. Я пользуюсь каждым случаем для подробного ознакомления с краем, в котором я теперь живу, и поэтому я ни на шаг не

²³ В 1832 году командир отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютант Розен прошел с сильным отрядом всю Чечню и, подступив к Гимрам, штурмом овладел аулом (17 октября). Глава мюридизма Казимулла был убит во время дела. После убийства горцами преемника его Гамзат-бека неограниченную власть над дагестанскими горскими обществами принял Шамиль.

отхожу от князя. Я недолго еще проживаю в Шуре, и, начиная с мая месяца, я проехал верхом более 1700 верст. Я обладаю четырьмя лошадьми; бедные лошади мои сильно измучены от непрерывных переездов по горам; лишая себя всего, я забочусь только о моих лошадях, чтобы они находились постоянно в состоянии оказать мне необходимые услуги; мы должны быть ежечасно готовы к выступлению, и я не желаю прогулять какую-либо экспедицию».

Скажем теперь несколько слов о наградах, полученных Э.И. Тотлебенем за участие в экспедициях Дагестанского отряда 1848 года. Об этом встречаются некоторые любопытные подробности в письмах его к брату (от 15 ноября 1848 года).

«Ты удивляешься, что Кауфман переведен в гвардию²⁴; он получит сверх того еще Георгиевский крест. Между тем я получал более важные поручения, чем он, и выполнял их к общему удовольствию. В *Думе* некоторые лица, которые меня вовсе не знают лично, но видели под огнем, высказались, что я заслужил Георгиевский крест. Но я служу только первый год на Кавказе, начальство меня еще мало знает; поэтому нужно вооружиться терпением и настойчивостью. Со временем все будет (*die Zeit bringt Rosen*). За Гергебиль меня представили в капитаны, и я надеюсь быть произведенным до нового года со старшинством. За Гергебиль сделано три представления; Кауфман находится в первом, я же во втором, которое, конечно, послано отсюда позже. За дело при Мискенджи князь представил меня ко Владимиру с бантом; отсюда ты усмотришь, что я не могу жаловаться; если удастся получить обе награды, то я прослужу в этом году довольно счастливо. Не следует только предъявлять слишком больших претензий; лучше получать скромные награды и иметь внутреннее убеждение, что их вполне заслуживаешь. Может быть, то, что не удалось наверстать в нынешнем году, я сумею нагнать в следующее лето. Если же мне представится случай отличиться, я буду ходатайствовать о переводе в гвардию тем же чином, подобно Кауфману; достигнув этого, я возвращусь в Царское»²⁵.

²⁴ Капитан Константин Петрович фон Кауфман был переведен из полевых инженеров тем же чином (капитаном) в л.-гв. саперный батальон (10 августа 1848 года). Он состоял тогда старшим адъютантом по инженерной части в Главном штабе главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом.

²⁵ За отличие при ауле Гергебиль штабс-капитан Тотлебен произведен в капитаны 29 марта 1849 года со старшинством с 6 июля 1848 года. За отличие при штурме Мискенджиских завалов награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом (22 сентября 1850 года).

Надежды Тотлебена не осуществились, однако, и во время экспедиции 1849 года: ему не удалось добиться столь желанного перевала в гвардию. Счастье не баловало Эдуарда Ивановича с первых шагов его на боевом поприще, и приходилось терпеливо выжидать по-прежнему, как время, по немецкой поговорке, принесет с собой розы. Они расцвели с неожиданной для всех и для него самого роскошью только шесть лет спустя.

В письмах Э.И. Тотлебена уцелели также некоторые отрывочные указания на то, каким образом проводил он время в Темиран-Шуре в ожидании предстоящей новой экспедиции; настроение его духа и занимавшие его мысли среди уединенного житья в Дагестанской крепости отразились в этих откровенных заметках.

«В Шуре я имею мало знакомых; я навещаю почти ежедневно старого товарища Пашканга, который недавно женился, и весьма приятно провожу время в его семействе. Я не намерен искать другого знакомства, чтобы отстранить себя от разных сплетен... Ты упоминаешь, что, за малым исключением, все, подобно собакам, грызутся и дерутся между собой из-за кости. Я вполне разделяю твое мнение.

В настоящее время в Шуре среди немощных улиц такая непроходимая и липкая грязь, что решительно невозможно выйти пешком из дому. К обеду я отправляюсь верхом к князю Аргутинскому, а вечером к Пашкангу.

...В моей убогой хате в Шуре мной овладевает часто непреодолимая тоска, которая меня мучает и терзает; я напрягаю тогда всю силу своего духа, чтобы освободиться от ее гнета, ищу развлечения, иду от одного к другому, принуждаю себя даже вступать в разговоры о предметах, которые меня вовсе не интересуют, и таким образом я шатаюсь, пока не развеселюсь в обществе других людей, чтобы в спокойном настроении возвратиться в мое скромное жилище».

Здоровье Эдуарда Ивановича оставляло также желать многого. Следует отметить явление, которое и впоследствии неоднократно повторялось в жизни нашего славного инженера. Тотлебен был рожден для тревог боевой жизни; они составляли нормальный элемент, среди которого только он мог благоденствовать; когда же наступало мирное затишье, разнообразные физические страдания вступали тотчас в свои права и отравляли ему жизнь. «В горах, — замечает Эдуард Иванович, — я был, однако, постоянно здоров и весел».

Не забывал Тотлебен и своих друзей и родных. «Г. Гауфу я намереваюсь писать, но до сих пор мне в этом мешала моя кочующая

жизнь. Прошу тебя его навестить и сообщить содержание моих писем. Этот достойный человек и его милое семейство выказывали мне всегда величайшую дружбу и участие, которых я, конечно, никогда не забуду. Я часто о них думаю. Прошу передать ему и всей его семье мой сердечный привет и извинить мое долгое молчание.

Генералу Шильдеру я также буду писать на днях. Если тебе где-либо представится случай его видеть, то заговори с ним прямо; передай мой поклон и скажи, что ты мой брат; он может быть тебе впоследствии полезным. Шильдер — человек, который не любит церемоний; с ним нетрудно познакомиться; если он пригласит тебя к себе, то прочитай ему мои письма о Гергебиле и об Ахтах, которые, без сомнения, будут его весьма интересовать.

Мне пишут, что наш добрейший отец очень ослаб, что он с трудом ходит и уже окончательно лишился зрения. Это грустное известие меня глубоко огорчило; я уверен, что безнадежное положение нашего дорогого старика причинило и вам, мои любезные братья, искреннюю печаль, в особенности ввиду его преклонных лет, оставляющих мало надежды на выздоровление. Этот достойный и честный человек и добрейший отец заслужил, конечно, лучшую участь. Пишите ему как можно чаще; наши письма доставляют для него единственное развлечение; он только живет для своих детей и непрестанно о нас думает. Поэтому легко себе представить, как ему будет приятно убедиться из наших частых писем, что мы о нем вспоминаем и одушевлены благодарностью за все его попечения.

...В горах все спокойно. Сильные морозы (до 18°) разоружили пока горцев.

Накануне Рождества я в продолжение двух часов катался верхом при лунном свете и сильном морозе и вполне развеселился во время этой поездки. Затем же я остановился у квартиры Пашканга и зашел к нему. Мне предложили на выбор три блюдечка, которые я должен был открыть. Мне достались ребенок, сердце и деньги, — три отличные вещи. Если все это осуществится по возвращении в Петербург, то я буду вполне доволен и назову предстоящий год счастливым.

...Рождественские праздники я провел у Кесслера на охоте за дикими кабаном; добыча наша составила 40 кабанов, несколько коз и зайцев. На мою долю выпало счастье застрелить огромного кабана в 10 пудов весом.

3 января (1849 года) я снова возвратился в Шуру; у нас здесь балы, концерты, театр любителей... Постоянные жители Шуры

гордятся своим городом, этой столицей Дагестана; однако все эти удовольствия по своей ничтожности доставляют весьма мало развлечения. Здесь делаются большие приготовления к предстоящей летней экспедиции. Говорят, что предприняты будут осады трех аулов; инженерам и саперам предстоит, следовательно, большие работы. После экспедиции я предполагаю возвратиться в Царское Село».

Поручив брату подписаться для него на «*Военный журнал*», Эдуард Иванович присовокупляет: «Я желал бы очень приобрести Военный журнал, чтобы ознакомиться здесь с событиями по военной истории среди моего одиночества, вдали от образованного мира. Но теперь у меня нет денег; я должен постоянно кормить четырех лошадей, и потому нередко сам голодаю... Слава Богу, я теперь совсем не имею долгов и надеюсь возвратиться в Петербург в таком же положении. Печально, что в нашем звании приходится постоянно бороться с нуждой и не представляется возможным приобрести что-либо своим трудом, честным путем».

Свободное время до начала новой экспедиции капитан Тотлебен посвятил описанию осады Гергебиля и обучению саперных рот сверлению труб; он производил также отдельные опыты, чтобы показать способ заряжания и действия зарядов. Кроме того, князь Аргутинский поручил капитану Тотлебену обучать в Самурском полку (которым командовал полковник Кесслер) людей осадным и минным работам.

III

Лето 1849 года решено было употребить на осаду укрепления Чох. Для этой цели в начале июня началось выступление Дагестанского отряда из Темиран-Шуры. 7 июня двинулся в поход штаб генерал-адъютанта князя Аргутинского, при котором находился и капитан Тотлебен. К 25 июня Дагестанский отряд сосредоточился на Турчи-Даге. Он состоял из 13 батальонов пехоты, двух рот стрелков, двух рот саперов, одного дивизиона драгун, двух сотен донских казаков, 42 орудий²⁶ и около 1000 человек конной и пешей милиции — всего до 9000 человек. Исправляющим должность начальника инженеров назначен л.-гв. саперного батальона капитан фон Кауфман 1-й.

²⁶ В числе орудий находились две 24-фунтовые пушки и четыре полупудовые мортиры.

К северо-западу от горы Турчи-Даг, имеющей около 8000 футов превышения над уровнем Каспийского моря, лежит глубокая долина, в которой возвышается укрепление Чох. На дне этой глубокой долины местность чрезвычайно гористая и пересеченная; ей можно присвоить название долины только по отношению к горным хребтам, которыми она окружена. Для спуска с Турчи-Дага осадной артиллерии незамедлительно приступили к устройству двух дорог по крутой и скалистой отлогости горы; к 4 июля дороги эти, протяжением до трех верст, были окончены.

Между тем Шамиль с огромным скопищем войск, около 15 000, с четырьмя орудиями прибыл 1 июля и, расположившись на пяти высотах к западу и к северо-западу непосредственно за Чохом, начал на них укрепляться.

Князь Аргутинский оставил на Турчи-Даге в двух редутах два батальона и всю кавалерию для обеспечения отступления и сообщения с укреплениями Кумук и Ходжал-Махи, откуда отряд должен был получать все жизненные и военные припасы. Остальная часть отряда спустилась 5 июля в долину. Оттеснив неприятельские посты назад, князь быстро занял гребень высот, идущих к югу от Чоха, и приказал полковнику Кесслеру с тремя батальонами Самурского полка двинуться вниз по покатости, спускающейся к укреплению.

Неприятель постепенно отступал из своих завалов и, скрываясь в высокой траве за уступами террас, поражал наши войска метким ружейным огнем, поддержанным пушечным огнем из крепости. Мы, по замечанию Э.И. Тотлебена, потеряли в этот день до 70 человек и почти не видели неприятеля.

Полковник Кесслер занял со своими батальонами передовую позицию в расстоянии 250 саженей от Чоха и немедленно приступил к возведению здесь укреплений. Затем атакующий занялся устройством артиллерийского и инженерного парков, проведением дорог, постройкой двух батарей: одной мортирной и другой демонтированной и рекогносцировкой местности.

Укрепления горцев и первоначальные предположения наши под Чохом Э.И. Тотлебен описывает следующим образом: «Укрепление Чох построено было на отлогости скалы и имело фигуру равнобедренного треугольника, основание которого обращено к югу. Стены имели до трех саженей высоты и были фланкированы башнями; над юго-восточным углом укрепления на отвесной скале возвышалась продолговатая башня, названная нами по форме своей ванной, а в заднем угле находилась крепкая цитадель.

Внутренность укрепления была совершенно открыта с нашей позиции; она поднималась к цитадели от нижней стены скалистыми неправильными уступами и была перегорожена многими продольными и поперечными стенами, служившими траверсами и ретраншементами. Гарнизон был совершенно прикрыт; чрезвычайно редко, только кое-где, мелькали папахи.

В разных местах к внутренним стенам прилежали казематы, орудия беспрестанно перемещали от одной амбразуры к другой, и потому, хотя амбразуры и были разрушены из наших демонтированных батарей, но самые орудия подбить не удавалось».

Укрепление имело удобное сообщение к западу с неприступной позицией Шамиля, а к востоку значительно командовало впереди лежащей довольно ровной местностью. Занятая нашими войсками позиция с южной стороны значительно превышала укрепление, и местность спускалась от нас к Чоху высокими узкими террасами. Местность, лежащая к востоку от укрепления, ограничивалась с юга глубоким оврагом, который, огибая укрепление, делал восточный его фас неприступным²⁷.

Осада Салтов и Гергебиля доказали нам необходимость окружать неприятельские укрепления и, прекратив всякое сообщение между покровительствующим отрядом и гарнизоном, содержать последний в тесной блокаде. В Чохе, после того как Шамиль занял высоты за укреплением, уже невозможно было выполнить это важное условие, которое, в особенности в войне с горцами, всегда ведет к полному успеху. Позиция Шамиля была неприступна со всех сторон, и отряд наш, который должен был сохранять сообщение с Турчи-Дагом, с укреплением Кумух и, кроме того, охранять растянутую позицию, давать рабочих и траншейные караулы для осадных работ, был слишком мал, чтобы отдать пять или шесть батальонов для обходного движения, которому, впрочем, местность совершенно не благоприятствовала.

²⁷ Неприятель занимал укрепленную позицию, как выше сказано, на пяти неприступных высотах.

На ближайших к Чоху двух высотах поставлено было по одной 6-фунтовой пушке. 10-фунтовую мортиру неприятель часто перемещал с одного места на другое.

Наш лагерь и вообще наша позиция были совершенно открыты действию неприятельских орудий, между тем как лагерь противника, находясь большей частью за высотами, мог быть поражаем с нашей стороны только навесными выстрелами.

Поэтому князь Аргутинский решил подвести траншеи к единственно приступному южному фронту укрепления и, заняв в это же время с обеих сторон выгодные пункты местности, обнять укрепление по возможности на большее протяжение, затем же, устроив батареи с трех сторон, превратить Чох в развалины убийственным артиллерийским огнем, нанести как гарнизону, так и отряду Шамиля сильное поражение и при благоприятных обстоятельствах взять укрепление штурмом.

Ночью 8 июля заложена была первая параллель в расстоянии 200 сажень от укрепления; затем из нее вышли подступами и в них построили две демонтир-батареи.

Свойства местности, темнота ночей и проливные дожди сильно затрудняли ведение подступов. Террасы, по которым приходилось спускаться, имели от 10 до 30 шагов ширины и от 10 до 14 футов высоты, так что на протяжении около 100 шагов мы вынуждены были устроить от четырех до пяти спусков и при каждом углубиться до 10 футов, чтобы прикрыться от неприятельских высот и от укрепления. К тому же всю эту работу выполняли без помощи туров, которые прибегались для устройства батарей²⁸.

Горцы с величайшим упорством и не без некоторого искусства защищали каждый шаг занимаемой ими местности.

Днем по несколько человек постоянно сидели в завалах впереди и сбоку наших подступов и при малейшей неосторожности со стороны находящихся здесь людей поражали их метким ружейным огнем. Пользуясь темнотой ночи, горцы подкрадывались к осадным работам и даже к самому лагерю, и ружейными залпами тревожили наши войска.

Под Чохом, равно как и в предшествовавшем году при атаке Гергебиля, Э.И. Тотлебен впервые ознакомился в действительной осадной войне с огромной пользой завалов, представлявших собой первобытный вид ложементов, которыми горцы задерживали ход осадных работ. Вынесенный из этих осад опыт побудил впоследствии нашего славного инженера во время обороны Севастополя приступить к устройству правильно организованной системы ложементов. Они оказали блистательную услугу защитникам *знаменитого*

²⁸ Чох лежит в стороне совершенно безлесной, поэтому атакующий предполагал только лишь 800 турами, изготовленными в 40 верстах от места осады. Перевозка туров на лошадках через несколько горных хребтов сопряжена была с большими затруднениями.

города и привели союзников, по их собственному признанию, в совершенное отчаяние²⁹.

12 июля с рассветом полтора батальона под начальством подполковника Ракусы перешли вправо от занятой нами позиции через овраг, отделявший южную часть местности впереди укреплений Чоха от восточной; один батальон остановился в 60 саженях за оврагом и в 175 саженях от укрепления и в виду неприятеля под сильным ружейным огнем построил редут (Ракусы); две же роты, пройдя еще на 80 саженей далее, отгеснили неприятельские посты и укрепились на холме среди развалин разрушенного аула. Затем устроено было закрытое сообщение между редутом Ракусы и передовой позицией наших войск, и укрепление вооружено двумя горными орудиями.

В промежуток времени с 12 до 24 июля произведены были следующие работы: один батальон взял приступом неприятельский завал на южном фронте атаки; здесь построили редут (Броневского), образовавший крайний опорный пункт левого фланга нашей позиции. Редут Броневского, в котором построили мортирную батарею, соединили траншеей с передовой демонтирной батареей, чем образовалась вторая параллель, удаленная от Чоха на 80 саженей. Между тем неприятель в 160 саженях вправо от редута Ракусы занял на горе разоренный аул Махи и построил здесь редут на 500 человек гарнизона.

18 июля три батальона с двумя горными орудиями за час до рассвета овладели неприятельским укреплением. В занятом редуте Махи, образовавшем правый фланг нашей позиции, оставлен был один батальон и построена в нем мортирная батарея³⁰. Кроме того, 300 человек милиции расположились на высоте, лежащей правее редута Махи. Подступы против южного фронта укрепления подвинуты были на 45 саженей, и на расстоянии от него в 40 саженей заложена была третья параллель, в которой построили две брешь-батареи, вооруженные всего 10 орудиями.

²⁹ Ложементы, по выражению Э.И. Тотлебена, должны составлять уши и глаза коменданта обороняющейся крепости.

³⁰ Батареи, построенные в редутах, расположенных на обоих флангах атаки, вооружены были 2-пудовыми мортирами и имели назначением бросать бомбы на высоты позиции, занятой скопищами Шамиля. 20 июля одна бомба, попавшая на самую дальнюю высоту неприятельской позиции на кучу камней, при взрыве контузила Шамиля камнем. После этого палатку Шамиля перенесли на другое, более безопасное место, вне круга действия нашей артиллерии.

Потери наши за это время убитыми и ранеными превышали 100 человек. Главные потери неприятель наносил при самом производстве осадных работ пушечным и ружейным огнем из укреплений и с высот; кроме того, отдельные партии горцев поражали людей с близкого расстояния меткими выстрелами, перескакивая врассыпную, как кошки, от одного камня к другому и пользуясь для этой цели с замечательным искусством малейшими удобствами местности.

24 июля, в светлую лунную ночь, две роты были расставлены для удлинения третьей параллели к западу, т.е. влево. Местность представляла здесь большие неудобства, спускаясь террасами в одно время к укреплению и по направлению параллели. Едва люди успели приступить к работе, как внезапно из крепости, с расстояния не более 35 саженей, открыли сильный беглый огонь. Капитан фон Кауфман был тяжело ранен в ногу, и в течение нескольких минут на работе было убито и ранено пять штаб-офицеров и 25 человек нижних чинов. Это обстоятельство вынудило отказаться от ведения работы летучей сапой и продолжать ее полутихой сапой, ведение которой также было сопряжено с большими затруднениями и с потерей. Горцы, устроив себе завалы на продолжении параллели, не только поражали нас фронтальным огнем, но анфилировали часть траншеи, в которой производилась работа.

Вследствие раны капитана фон Кауфмана заведывание всеми осадными работами поручено было с 24 июля капитану Тотлебену.

В следующую затем ночь капитан Тотлебен совершил подвиг, который отличался не меньшей смелостью, чем заложение брешь-батареи под Гергебилем в 1848 году. Эдуард Иванович, как и под Чохом, всегда следовал неизменному правилу — при предварительных распоряжениях принимать во внимание все обстоятельства, могущие обуславливать производство предположенной работы, а потому и все начинания его сопровождались полным успехом.

В лунную ночь на 25 июля капитан Тотлебен вместе с инженер-штабс-капитаном Поповым произвел рекогносцировку местности между восточным фронтом неприятельского управления и крайним правым флангом нашей атаки; во время этого обозрения им ежеминутно угрожала опасность быть замеченными и захваченными горцами, рассеянными по этой части местности, спускающейся террасообразными уступами к глубокому оврагу, прикрывавшему с восточной стороны Чох. Но счастье благоприятствовало смельчакам; они дошли благополучно до оврага — и здесь, в 30 саженях от

восточного фаса Чохского укрепления, капитан Тотлебен выбрал пункты для двух брешь-батарей. Исполнив это, Эдуарду Ивановичу и его спутнику предстояло решение еще несравненно более трудной задачи — вернуться обратно к своим траншеям, что было невозможно выполнить по тому же самому направлению; горцы на этот раз не пропустили бы их безнаказанно в наш лагерь. Оставалось спуститься в глубокий овраг и попытаться отыскать переправу через протекавшую в нем горную речку, а затем далее пробраться к нашим осадным работам, направленным против южного фронта неприятельского укрепления. К счастью, на речке оказался мост, перейдя который напали на след тропинки, ведущей в направлении третьей параллели. Оставалось преодолеть последнюю опасность: приближаясь к траншеям, наши смелые инженеры могли быть приняты осаждающими за горцев, имевших обыкновение подкрадываться ночью к нашим работам. Эдуарду Ивановичу пришло на ум воспользоваться единственным средством предупреждения наших секретов, которым при этой обстановке возможно было располагать: он начал насвистывать поход. Наши молодцы сообразили, что приближаются друзья, и вскоре товарищи приветствовали в траншее смелых разведчиков, благополучно возвратившихся со своего отчаянного поиска.

В следующую же ночь, 26 июля, атакующему удалось воспользоваться плодами этой смелой рекогносцировки: беспрепятственно заложить передовую параллель в расстоянии 30 саженей от восточного фронта Чоха и соединить с редутом Равуса подступами. Горцы, предпринявшие в это время нападение на южную сторону атаки и обратившие все свое внимание на завязавшееся здесь дело, заметили эту неожиданную для них работу только тогда, когда наши люди были почти уже закрыты насыпью, и потому ружейные залпы неприятеля не могли им более вредить. На наше счастье, ночь была довольно темная.

В ту же ночь 26 июля, в то время, когда мы заняты были углублением левого фланга третьей параллели, неприятель устремился внезапно в траншею и занял оконечность ее. Две роты траншейного караула с рабочими атаковали его и несколько раз выгоняли из траншеи; но горцы упорно возвращались назад и с необыкновенным ожесточением бросались в шашки и кинжалы; завязался рукопашный бой, и перевес был попеременно то на той, то на другой стороне; неприятель получал непрерывно подкрепления из укрепления. Число убитых и раненых простиралось у нас до 110 человек.

Надобно было их вывести, и потому наши вынуждены были отступить в верхнюю часть параллели. В это время подоспела на помощь одна рота из второй параллели, заняла высокую террасу позади третьей параллели и, скрываясь в высокой густой траве, неожиданно дала залп в нижнюю траншею, тесно набитую неприятелем; горцы поколебались и поспешно стали убирать тела своих убитых; наконец, после нескольких новых залпов, они побежали, преследуемые картечью со всех наших ближайших батарей, которые нанесли им огромное поражение, в особенности, когда они поднимались к крепости. В этом деле неприятель понес потерю до 300 человек и впоследствии не предпринимал более вылазок против работ атаки.

В следующие затем дни, по 7 августа, главнейшие работы заключались в постройке двух брешь-батарей, всего на четыре орудия, в передовой траншее против восточного фронта укрепления³¹. Кроме того, эта передовая параллель была удлинена и уширена; последнее стоило невероятных трудов, так как по значительному командованию неприятельского укрепления над параллелью пришлось углубить ее до 6 футов. Чтобы сохранять туры для постройки батарей, работу эту производили без туров; одни спуски с террас прикрывали турами, да и то только временно; после достаточного возвышения насыпи туры опять снимали и переносили дальше. Передняя параллель восточного фронта атаки была также соединена с третьей параллелью южного фронта посредством траншеи в 100 сажений длины; траншея эта спускалась к мосту, находившемуся на дне оврага и закрытому шлетнем³².

³¹ Относительно постройки брешь-батарей, как против южного фронта, так и против восточного фронта укрепления, Э.И. Тотлебен замечает, что они были устроены в три тура в высоту; с двумя рядами земляных мешков над верхним ярусом туров; но и этого не было достаточно для дефилирования внутренней батарей. Местность здесь имела покатость к стороне укрепления, и потому заднюю часть батарей надлежало углубить до 9 футов, — работа гигантская. В амбразуры поставили задвижные щиты и к орудиям прикрепили так называемых ездовых, т.е. деревянные отвесные щиты с вырезкой против мушки для закрытия артиллериста, наводящего орудие, когда оно вдвинуто в амбразуру, и, следовательно, для прохода дула орудия щиты амбразур были несколько раздвинуты.

Вообще все батареи, несмотря на большие затруднения, встретившиеся при постройке их, были так хорошо устроены, что в продолжение всего бомбардирования при меткой стрельбе горцев ранено только два артиллериста.

³² В возможности устройства этого соединения капитан Тотлебен убедился во время своей ночной рекогносцировки 25 июля.

На левом фланге атаки, в редуте Броневского, построена брешь-батарея на четыре орудия для разрушения западного фаса укрепления. Во второй параллели построена мортирная батарея для двух 2-пудовых мортир, которые назначались для действия преимущественно по внутренности укрепления.

8 и 9 августа производилось вооружение батарей и созданы со стороны артиллерии все нужные приготовления для бомбардирования.

10 августа в 5 часов утра было открыто бомбардирование со всех батарей.

Для образования брешей пробивали ядрами горизонтальную борозду близ основания стен и, принимая постепенно в одну сторону в расстоянии от 5 до 6 футов, пробивали снизу вверх вертикальные борозды, а потом залпами обваливали отделенные бороздами прямоугольники стены, направляя выстрелы ближе к основанию стены.

Эти стены имели весьма крепкую связь; они были сложены из больших камней с прокладкой между ними продольных и поперечных рядов бревен, которыми чрезвычайно затруднялось производство брешей. Толстота стен оказалась в 8 футов; с внутренней стороны они поддерживались толстыми контрфорсами, которые были удалены между собой не более как за одну сажень и соединены прочными сводами, примыкавшими к стенам.

На брешь-батареях из каждого орудия выпускали ежедневно по 80 ядер. В первый день 24-фунтовыми пушками обрушена лишь одна облицовка стены. В четвертый день бомбардирования правая половина восточного фаса укрепления обращена в брешю и, кроме того, сбита башня (ванна), возвышавшаяся на скале над юго-восточным углом укрепления. В следующие дни продолжали делать брешю, а ночью действовали картечью и гранатами против неприятельской работы.

Несмотря на то что со всех батарей непрерывно поддерживали огонь, горцы по ночам постепенно успевали увенчивать турами все брешю с внутренней их стороны. Для этого, вбив ряд кольев, на них надавали туры, которые набивали фашинами и, скрываясь за ними, углублялись в землю. Артиллерия наша не могла опрокинуть такое венчание, потому что туры не были скреплены между собой; при том ядро, попавшее с близкого расстояния в тур, пролетало сквозь него, а тур оставался на месте. В нескольких местах зажигали венчание гранатами, но горцы, сидя ниже туров в углубленном ходе

вдоль бреши, тушили огонь землей, причем сами были так хорошо закрыты, что наши стрелки, наблюдавшие из траншей за неприятелем с необыкновенным вниманием, начали, наконец, скучать от бездействия.

Внутренние стены укрепления также были обрушены артиллерией; но за горами камней появлялись вновь ретраншементы из туров. Брешь наружной стены можно было копать почти без всякой потери, но как идти дальше? Успех представлялся сомнительным, принимая во внимание местные свойства неприятельской позиции и расположение ретраншементов в укреплении.

Хотя весь отряд и желал штурма, но князь Аргутинский по соображению всех обстоятельств не хотел напрасно жертвовать людьми. Если бы нам даже удалось взять Чох (или, лучше сказать, кучу камней), то наша потеря была бы, наверно, больше потери неприятеля, который имел свободный путь отступления к позиции Шамиля. Необходимо было также принять в соображение, что в конце августа на Турчи-Даге обыкновенно выпадает глубокий снег, и тогда движение даже легких орудий по дорогам становится чрезвычайно затруднительным, а потому следовало опасаться подъема осадной артиллерии по крутой дороге, ведущей на Турчи-Даг.

Все эти обстоятельства побудили князя Аргутинского продолжать бомбардирование до совершенного разрушения укреплений Чоха и, ограничившись достижением этого результата, отступить. Но, желая скрыть свое намерение от неприятельских лазутчиков, он вызвал охотников на штурм, которые явились в большом числе, а капитану Тотлебену приказал делать громкие приготовления к штурму. Между тем обращено было главное внимание на исправление дороги от нашей позиции на Турчи-Даг для подъема осадной артиллерии.

15 августа, в день полкового праздника пехотного князя Варшавского полка, два батальона выстроились в колонны к молебну и барабанщики пробили на молитву. Неприятель, принимая это за знак к штурму, прибежал огромными толпами с позиции Шамиля в Чох на подкрепление гарнизона. Тогда с нашей стороны со всех батарей открыли сильный огонь, и горцы, убедившись через несколько времени в ложности своего предположения, возвратились назад в свою укрепленную позицию, унеся с собой много убитых и раненых.

К вечеру 22 августа стены укрепления Чох действием нашей артиллерии были обращены в развалины.

Артиллерия в продолжение всей осады выпустила с лишком 22 000 снарядов, что составляет примерно 500 снарядов на каждое орудие.

Вечером 22 августа, после сумерек, мы начали вывозить с возможным соблюдением тишины осадные и батарейные орудия из редутов и траншей, поднимая их на Турчи-Даг. Это передвижение, несмотря на хорошую дорогу, сопряжено было с большими затруднениями, и к 24-фунтовым пушкам необходимо было запрягать по 16 буйволов. К рассвету вся осадная артиллерия поднялась на Турчи-Даг, куда ночью также были отправлены все тяжести отряда. Между тем в продолжение ночи поддерживали сильный огонь против неприятельских укреплений: сначала из легких орудий, а по отпавлении последних — из горных орудий.

За два часа до рассвета наши войска начали медленно отступать, сперва с отдаленных пунктов, а потом из ближайших траншей. Горцы заметили наше отступление на рассвете, когда мы уже успели выйти из траншей, и тогда они большими толпами бросились нас преследовать.

Войска все время отступали медленно, стройно и в порядке, как на маневрах. Чтобы несколько задержать сильный напор горцев, взорваны были обыкновенные и камнеметные фугасы, заложенные заблаговременно в двух местах на высотах нашей позиции. В третьем же месте не было взрыва; солдат гальванической команды, получив приказание топором отрубить проводники взорванных уже зарядов, по ошибке отрубил проводники и от тех фугасов, которые еще следовало взорвать. Срачивать же проводники вновь не было времени, потому что пехотная цепь уже отступила за гальваническую батарею, при которой в то время находился капитан Тотлебен.

Резервы наши за цепью бросились в штыки. Это наступление несколько остановило горцев, сделавшихся более осторожными; но, перебегая от одной горки к другой и скрываясь за камнями в ямах, они все-таки продолжали преследовать отступавший отряд почти до вершины Турчи-Дага. Кавказский стрелковый батальон нанес неприятелю большой вред, равно как и горные орудия, которые действовали гранатами и картечью преимущественно против тех пунктов, где собирались неприятельские толпы с намерением ударить в штыки. У горцев отбили много оружия и несколько знаков отличия, пожалованных Шамилем за особенную храбрость. Потеря наша в день отступления простиралась до 70 человек убитыми и ранеными.

23 августа в 9 часов утра весь отряд был сосредоточен в Турчи-Даге.

Вообще мы потеряли под Чохом в продолжение всей осады от 5 июля до 23 августа до 600 человек убитыми и ранеными, в том числе 25 офицеров³³. Потеря горцев в точности неизвестна. Э.И. Тотлебен высказывает предположение, что число убитых и раненых у неприятеля превосходило 2000 человек.

После нашего отступления и во время пребывания Дагестанского отряда на Турчи-Даге горцы употребили всевозможные усилия, чтобы развалинам Чоха снова придать вид прежнего укрепления. Они вывели тонкие стены из камней насухо, и через несколько дней Чох действительно принял прежний вид; но это хвастовство стоило им, кроме напрасных трудов, еще до 40 человек, лишившихся жизни при обрушении одной стены.

На Турчи-Даге начались морозы и выпал снег. Пять батальонов с сотней казаков и 300 человек конной милиции под начальством полковника Минквица спустились к южной подошве Турчи-Дага и там расположились лагерем для охранения границ Казикумыкского ханства от покушений неприятеля. Остальные войска Дагестанского отряда были распущены для продолжения работ в укреплениях Ахты и на Военно-ахтинской дороге, равно как для построек полковых штаб-квартир.

За отличие при бомбардировании укрепления Чох капитан Тотлебен награжден золотой саблей с надписью «За храбрость».

Осенью князь Аргутинский разъезжал по Дагестану, осматривая важнейшие укрепленные пункты, равно как работы по Военно-ахтинской дороге; его сопровождал Э.И. Тотлебен. По возвращении князя в середине октября в Темиран-Шуру он предложил капитану Тотлебену место старшего инженера в Дагестане; но как уже выше упомянуто, Эдуард Иванович желал возвратиться на службу в Петербург, а потому, поблагодарив за лестное предложение, просил отправить его к месту прежнего служения; на эту просьбу князь возразил, что он только вправе дать ему отправление в Тифлис и что дальнейшие распоряжения зависят уже от главнокомандующего князя Воронцова.

Получив от князя Аргутинского разрешение выехать в Тифлис, капитан Тотлебен передал сверло, с которым он явился на Кавказ, в Шуринскую инженерную команду, оставив при штабе подробную

³³ Собственно убитых и умерших от ран было до 200 человек.

инструкцию для употребления и применения сверла в Дагестане при осаде укрепленных аулов. В письме к генералу Политковскому³⁴, занимавшему тогда место начальника штаба инспектора по инженерной части, Эдуард Иванович высказался следующим образом относительно поручения, данного ему при отправлении его на Кавказ: «К сожалению, едва ли можно предвидеть случаи для применения бурава в деле. Мины вообще затрудняют ход осады, и мы здесь на Кавказе почти всегда имеем возможность делать бреши и разрушать неприятельские укрепления многочисленной, сильной нашей артиллерией. Притом грунт более каменистого свойства чрезвычайно редко благоприятствует сверлению».

Переезд в Тифлис Эдуард Иванович совершил через Дербент, Кубу, Баку, Шемаху и Елисаветполь. Для Э.И. Тотлебена наступило обычное явление мирного времени, нездоровье его продолжало все усиливаться. Явившись в Тифлис к начальнику штаба генерал-адъютанту Коцебу, капитан Тотлебен просил разрешения остаться тут до совершенного излечения от болезни. Ревматизм и другие болезненные припадки до такой степени усилились, что вынудили его пролежать четыре недели в постели. Только к началу нового года Тотлебен получил облегчение; врачи признавали, однако, тем не менее необходимым, чтобы он до возвращения в Петербург воспользовался весной кавказскими минеральными водами.

Несмотря на болезнь, Тотлебен приступил во время невольного для него досуга к составлению описания осады Чоха, дополненного весьма обстоятельными чертежами. По окончании этого труда он препроводил его к своему бывшему начальнику генерал-адъютанту Шильдеру.

В это время в Инженерном корпусе произошла перемена в личном составе, которая для Эдуарда Ивановича сопровождалась изменением его служебного положения.

В 1849 году, после кончины великого князя Михаила Павловича, инспектором Инженерного корпуса назначен был начальник инженеров действующей армии генерал Ден; его место в Варшаве занял генерал-адъютант Шильдер.

Получив это назначение, генерал Шильдер предложил капитану Тотлебену занять при нем место личного адъютанта и написал ему по этому поводу нижеследующее письмо³⁵:

³⁴ От 29 декабря 1849 года.

³⁵ Варшава, 30 марта 1850 года.

«Когда мне вручили журнал и план осады Чоха, я был уверен, что получу также скоро письмо от моего дорогого минера, сапера и инженера. Письмо это от 30 января. Примите мою искреннюю благодарность за все присланное Вами. Подробное описание осады ходит здесь по рукам, и все удивляются храбрости, упорству и знанию дела осаждающего; но при этом является вопрос, почему Шамиль сохранил за собой свободный тыл, располагая беспрепятственно возможностью получать подкрепления? На этот вопрос я постоянно отвечаю: про то старшие знают. Но Вам лично эта кампания принесла большую пользу, и если вспыхнет война в Европе или в Азии, то Вы можете исполнить то же самое, пользуясь приобретенной многосторонней опытностью и встречая при том менее затруднений, чем при обороне импровизированных крепостей горного владыки Шамиля. Я никогда не терял из виду возможности подобного неизбежного столкновения, которое, может быть, скоро будет иметь место, и я весьма обрадовался бы, если бы в подобном случае осуществилось обоюдное желание наше совместно сделать нечто подобное. Вы предполагаете выехать в мае месяце. Если Вы не свалитесь в горные ущелья, то, перейдя Кавказский хребет, напишите мне из Владикавказа, а я отвечу прямо в Петербург, чтобы сообщить Вам, каким образом я предполагаю перевести Вас сюда. Для этого имеется под рукой прекрасный предлог, так как я летом предполагаю начать опыты со сверлом, применяя его к делу сообразно первоначальной цели его устройства и притом с отличными инструментами. Опыты сделаются интереснее еще тем, что я намерен усилить сверлом атакующего взамен обороняющегося, и притом таким образом, как мы это неоднократно совместно обсуждали. В гвардейском саперном батальоне уже сделано 10-дюймовое сверло. Очевидно, что если дело пойдет так же успешно, как в Киеве, то атакующему представилась бы возможность быстро открыть траншеи против любой контрминной системы и подвигаться таким образом далее вперед к крепостным веркам. Я уж задам этим господам такого жару, чтобы они с испуга обратились к тому же средству для продления обороны хотя бы на несколько времени.

О том, какое место предстоит Вам здесь занять, мы поговорим впоследствии, ибо все находится в зависимости от времени и обстоятельств. После Вашего прибытия сюда все это легче уладить. При этом я ставлю только предварительно вопрос: согласны ли Вы принять при мне адъютантскую должность, если к тому представится случай?.. Передайте поклон всем моим кавказским знакомым,

и прошу Вас быть уверенным, что всегда с величайшею готовностью рад исполнить Ваши желания.

Уважающий Вас друг К. Шильдер».

Письмо это положило предел колебаниям Э.И. Тотлебена, желавшего по преимуществу продолжать службу в Петербурге³⁶, — он согласился на предложение генерала Шильдера переселиться в Варшаву.

30 ноября 1850 года состоялся приказ, по которому капитан Тотлебен был переведен во 2-й саперный батальон с назначением адъютантом к начальнику инженеров действующей армии генерал-адъютанту Шильдеру³⁷.

³⁶ 1 февраля 1850 года Э.И. Тотлебен писал брату из Тифлиса: «Шильдер прелестный и любезный человек. ...Но мне неизвестно, в каких отношениях он состоит к фельдмаршалу. И к тому же мне было бы приятнее продолжать службу в Петербурге».

³⁷ Упомянем здесь вкратце о странной участи, постигшей описание осады Гергебиля и Чоха, составленное капитаном Тотлебеном. Несмотря на всю поучительность содержания этого труда, инженерное начальство не признало нужным оживить им поблекшие страницы «Инженерных записок», и он пролежал под спудом целых семь лет. Наконец, уже после обороны Севастополя, в 1857 году вспомнили о давно позабытом труде Э.И. Тотлебена; однако и тогда злосчастный рок продолжал преследовать эти рукописи, которые хотя и всплыли на свет божий, но вместе с тем испытали невыгоды довольно бесцеремонного с ними обращения. По распоряжению начальника штаба генерал-инспектора описание осады Гергебиля и Чоха было напечатано в официальном отделе нового издания «Инженерный журнал» (1857. № 3 и 4) в сокращенном и несколько измененном виде, и хотя и с приложением точной копии всех трех чертежей, помещенных в рукописи, но не было упомянуто ни одного слова об их авторе. Генерал-адъютант Тотлебен находился в это время за границей, и, к крайнему своему удивлению, ознакомился уже в печати с этими анонимными произведениями официального изготовления. Только в 1869 году описание осады Гергебиля и Чоха появилось в подлинном виде и с указанием имени автора в «Сборнике описаний осад и оборон крепостей», изданном по случаю 50-летнего юбилея Николаевской инженерной академии и училища.